
ПУТИ РАЗВИТИЯ РОССИИ

Между «реальным социализмом» и «восточным деспотизмом»: лабиринты институционального экономического развития Советской России¹

Р.М. НУРЕЕВ*, Ю.В. ЛАТОВ**

*Нуреев Рустем Махмутович – заведующий, кафедра «Макроэкономика», Финансовый университет при Правительстве РФ. Адрес: 125999, Москва, Ленинградский проспект, д. 49. E-mail: Nureev50@gmail.com

**Латов Юрий Валерьевич – ведущий научный сотрудник, Академия управления МВД РФ. Адрес: 125171, Москва, ул. З. и А. Космодемьянских, д. 8. E-mail: latov@mail.ru

Институциональный подход к анализу социально-экономического развития российской цивилизации в советский период основан на его трактовке как частичной регенерации институтов власти-собственности. В 1917–1991 гг. в России осуществлялась альтернативная модернизация, которая объективно была направлена на решение тех же проблем, перед которыми стоят все страны догоняющего развития, но принципиально другими – внерыночными – методами. Административно-командная система смогла результативно, хотя и с низкой эффективностью, завершить к 1960-м гг. индустриализацию экономики, однако она принципиально не сумела осуществить постиндустриальные преобразования. Разрыв между коммунистической идеологией и регенерированными институтами власти-собственности сформировал общество с множеством превращенных форм, где видимость (де-юре) и сущность (де-факто) социально-экономических явлений очень часто не соответствовали друг другу.

Ключевые слова: институциональная экономическая история, российская цивилизация, административно-командная система, власть-собственность, частичная планомерность, институциональная конкуренция, государство-класс, рентоискательство

¹ Данная статья является продолжением ранее опубликованных статей: Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2011) Когда и почему разошлись пути развития России и Западной Европы (подход с позиции институциональной экономической истории) // Мир России. № 4; Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2013) От «восточного деспотизма» к «среднеслабому капитализму»: оборванный путь институционального развития имперской России // Мир России. № 4.

Советская экономическая система должна была соответствовать основным коммунистическим принципам: партийное руководство, плановая экономика, государственная собственность. Однако коммунистическая идеология далеко не сразу стала догмой: вплоть до 1930-х гг. большевики находились в поиске, исход которого не был жестко детерминирован, как, впрочем, и сама политическая победа большевиков. И даже в обществе «победившего коммунизма» были развилки, на которых можно было выбрать более или менее «командный» путь развития. У общества всегда сохраняется возможность выбора – широкий или узкий коридор возможностей.

Становление советской экономики как результат институциональной конкуренции

В советской социально-экономической истории можно выделить три наиболее важные точки бифуркации (каждая из которых представляет собой многолетний период), когда общество находилось на развилке. Это периоды Гражданской войны (1917–1921 гг.), Великого перелома (1928–1933 гг.), а также хрущевских и косыгинских реформ (1957–1968 гг.)². В каждом из этих периодов в явной или неявной форме конкурировали друг с другом разные «правила игры», разные институциональные модели будущего развития России.

Бифуркации Гражданской войны. Если взглянуть на социально-экономические события времен Гражданской войны как на институциональную конкуренцию, то их можно интерпретировать как противоборство трех моделей – «красной» («военный коммунизм»), «белой» («непредрешенчество») и «зеленой»³ («мешочнической») (таблица 1).

Целью Октябрьской революции большевиков было установление нового социального порядка, идейные принципы которого были намечены задолго до революции. Поэтому самым первым актом большевиков стал Декрет о земле от 8 ноября 1917 г., которым они национализировали землю, уничтожив крупные имения. Тем самым узаконивалось то уравнительное перераспределение земли, которое крестьяне сами провели сразу после Февральской революции. Одновременно началась национализация промышленности. Изначально были поставлены под прямой государственный контроль только «командные высоты» (банковская сфера, закупка и хранение зерна, транспорт, нефтяная и военная промышленность). Но в ситуации острого военного кризиса весной 1918 г. большевики ввели систему «военного коммунизма»: деньги были, в сущности, исключены из оборота, частная торговля отменена, рабочие – милитаризованы, сельскохозяйственная продукция сверх прожиточного минимума у крестьян стала принудительно изыматься, а в промышленности национализировалось все подряд.

² Строго говоря, существовала еще точка бифуркации 1941 г., когда военное поражение СССР в войне с гитлеровской Германией и неизбежная вследствие этого национальная катастрофа были вполне возможны. Однако данные события являются чисто политической бифуркацией, поскольку немецкие захватчики не предлагали и не собирались предлагать покоренным сколько-нибудь привлекательную социально-экономическую альтернативу.

³ «Зелеными» обобщенно называют все крестьянские отряды/банды, которые выступали в Гражданской войне как «третья» сила (кроме «красных» и «белых»). На руководство «зеленым» повстанчеством претендовали оппозиционные большевикам социалисты (прежде всего, анархисты и эсеры), однако фактически крестьян возглавляли конкретные атамань, а не какие-либо политические партии. В литературе это явление нередко называют также «атаманщиной».

Таблица 1. Конкурирующие институциональные модели в период Гражданской войны

Характеристики моделей	«Военный коммунизм» «красных» (большевиков)	«Непредрешенчество» («военный капитализм») «белых» правительств	Анархо-рыночная («мешочническая») модель «зеленых»
Аграрная политика	«Черный передел», подразверстка	Защита старых прав собственности, свободная торговля и реквизиции	«Черный передел», свободная торговля
Промышленная политика	Национализация практически всех предприятий	Защита старых прав собственности	Рабочее самоуправление
Опора на военную силу	Единая централизованная армия	Несколько централизованных армий	Децентрализованные повстанческие отряды
Причины поражения	Невозможность противостоять недовольству крестьянства	Непривлекательность для крестьянства и рабочих	Военная слабость, долгосрочная бесперспективность

Ограничения на торговлю хлебом, как основным продуктом питания, появились в России еще во время Первой мировой войны, когда в декабре 1916 г. царское правительство ввело продовольственную разверстку – обязательные госпоставки сельскохозяйственной продукции по фиксированным ценам. В марте 1917 г. Временное правительство сделало следующий шаг, установив хлебную монополию: государство декретировало свое право изымать у крестьян весь хлеб (за вычетом необходимого на личное потребление) и полностью запретило торговлю хлебом. Большевики приняли эстафету огосударствления хлебного рынка: согласно Декрету от 9 мая 1918 г., все имевшие излишек хлеба и не заявившие о нем объявлялись «врагами народа», их запасы бесплатно изымались. К излишкам первоначально относили то, что превышало норматив в 12 пудов зерна на едока, но позднее к излишкам стали относить и значительную часть необходимого продукта. Затем Наркомпрод осуществлял распределение собранного продовольствия по губерниям в соответствии с их потребностями (точнее, исходя из ресурсов и информации об этих потребностях). Для выявления хлеба, скрываемого «врагами народа», в деревни из городов регулярно посылали вооруженные продотряды.

В городской экономике к 1920 г. были национализированы около 37 тыс. предприятий (примерно половина из них – мелкие), которые формально координировались Верховным Советом Народного Хозяйства (ВСНХ), но на самом деле планирование и контроль осуществлялись в очень скромных масштабах, в основном в рамках военного производства. Первой попыткой национального экономического планирования стал план ГОЭРЛО (план электрификации всей страны), принятый лишь в декабре 1920 г. и реализованный уже при НЭПе.

Важной чертой «военного коммунизма» являлась милитаризация труда, объединившая все взрослое население страны (см., например [Борисова 2001]). Трудовая мобилизация, подобно призыву в армию, осуществлялась по годам рождения через биржи труда и специальные агентства, которые занимались регистрацией и распределением работников согласно указаниям Главкомтруда; в качестве зарплаты работникам выдавались дифференцированные продуктовые пайки. Контроль рабочей силы происходил в полувоенном режиме, однако скудный размер трудового пайка и ненадежность снабжения стали причиной широкомасштабного дезертирства⁴.

⁴ Так, на IX съезде РКП(б) в 1920 г. Л.Д. Троцкий отмечал, что из 1 150 тыс. рабочих, занятых в важнейших отраслях промышленности, 300 тыс. (каждый четвертый) дезертировали [Девятый съезд РКП(б) 1960, с. 93].

Согласно распространенной точке зрения, «военный коммунизм» являлся *вынужденной* мерой советского правительства; изначально большевики отнюдь не собирались за считанные месяцы огосударствлять все, что только можно. Позже многие ученые стали утверждать обратное: «военный коммунизм» был идеологическим шагом большевистского руководства, *сознательно* стремящегося создать коммунистическую экономику буквально в один миг. Вероятно, истина находится посередине – объективные требования военного времени наложились на субъективное «революционное нетерпение». Несомненным фактом является то, что в условиях мирного времени меры «военного коммунизма» оказались решительно контрпродуктивными. В 1920 г., когда Гражданская война подходила к концу, профсоюзы начали восставать против воинской повинности работников, а крестьяне требовали отмены государственной монополии на зерно, «голосуя обрезаем». Последним ударом по «военному коммунизму» стало восстание моряков в Кронштадте в 1921 г., которое могло положить начало массовым антибольшевистским восстаниям в армии, состоящей в основном из вчерашних крестьян.

Описать «военный капитализм» (экономическую политику «белых» правительств) существенно труднее, чем «военный коммунизм». Налицо парадокс: белогвардейская власть была, а четко сформулированная белогвардейская экономическая политика в общем-то отсутствовала. Отказ от решения наиболее острых проблем до военной победы над большевиками «белые» возвели в принцип, следование которому делало эту победу невозможной (или, по крайней мере, очень трудной).

В частности, аграрная политика «белых» на «освобожденных» территориях сводилась в основном к принудительным реквизициям продуктов (что, по существу, не отличалось от большевистской продразверстки) и к муссированию лозунгов защиты законных прав частной собственности (т.е. фактической отмены «черного передела») до грядущего созыва Учредительного собрания, который примет легитимные решения по всем наболевшим проблемам. Наиболее либеральное (в сравнении с другими «белыми» правительствами) сибирское правительство Колчака в своей декларации по земельному вопросу в апреле 1919 г. всего лишь разрешило крестьянам сбор урожая с захваченных земель, а также обнадеживало, что в будущем за ними будет сохранена та часть бывшего помещичьего фонда, которая относилась к землям «нетрудового пользования» [Хандорин 2007]. Для Центральной России более актуальным был «Закон о третьем снопе», принятый правительством Деникина в июне 1919 г. и требовавший отдавать старым землевладельцам 1/3 урожая [Деникин 2013, гл. V; Козлова 2010]. Эти меры рассматривались как сугубо временная санкция и не удовлетворяли ни крестьян, ни бывших собственников земли, пущенной в «черный передел». Лишь в самом конце Гражданской войны, когда в 1920 г. армия Врангеля контролировала только Крым и Таврию, была предпринята попытка перейти от «непредрешенчества» к более внятной формулировке социально-экономической программы «белого» движения [Карпенко 1993; Калягин 2006]. Но и передача земли крестьянам в частную собственность при условии выплаты 1/5 урожая в течение 25 лет (по «Приказу о земле» правительства Врангеля от 25 мая 1920 г.) тоже не вызвала одобрения крестьян, предпочитавших получить от большевиков «все и сразу».

У крестьян было свое мнение, как лучше организовать экономику, которое отличалось и от «военного коммунизма», и от «военного капитализма». Во время войны город в большей степени нуждался в продуктах сельского хозяйства, чем деревня

в промтоварах, а потому «невидимая рука» рынка обеспечивала преимущества деревни. Поэтому любая официальная власть – как «красная», так и «белая» – призывала крестьян к неэквивалентному (с точки зрения рынка) обмену. Наоборот, для самих крестьян наилучшим было бы отсутствие любой регулярной власти, мешавшей обогащаться на стихийном товарообмене с голодающим городом. Именно такой порядок и стремился обеспечить Нестор Махно, самый знаменитый атаман Гражданской войны, предлагавший рабочим Украины налаживать добровольный прямой продуктообмен с крестьянами без опоры на какие-либо государственные структуры [Шубин 1998, с. 110–113]. Отмена продразверстки и свободная торговля были главными лозунгами и других «зеленых» атаманов, которым удалось в 1920–1922 гг. на какой-то срок захватить власть в отдельных регионах, – Антонову в Тамбовской губернии и руководителям Западно-Сибирского восстания [Савченко 2011].

Анархистская модель самоуправляющейся и самоорганизующейся экономики объективно обеспечивала полную свободу владельцам товарных запасов хлеба и торговцам-перекупщикам. Поэтому Махно и другие атаманы «зеленого» движения имели в глазах крестьян-товаропроизводителей несомненные преимущества и перед «красными», и перед «белыми».

Самая привлекательная для крестьян модель экономики была связана с «мешочничеством» – массовой нелегальной деятельностью мелких продовольственных перекупщиков (спекулянтов). Мешочническая деятельность расцвела еще до прихода к власти большевиков. Почти сразу же после введения ограничений на торговлю хлебом появились предприимчивые крестьяне, которые скупали зерно в деревне и контрабандой везли ее в город, зарабатывая «рубль прибыли на рубль капитала» [Павлюченко 1997, с. 230]. Хотя, согласно правительственным распоряжениям, Наркомпрод должен был собирать и затем распределять все хлебопродукты, но фактически в начальный период через это учреждение проходило менее 1/4 хлебопродуктов, и лишь к концу Гражданской войны большевикам удалось добиться контроля над 3/4 хлебопродуктов, что закономерно вызвало взрыв крестьянского недовольства.

Парадокс заключается в том, что та социально-экономическая модель, которая больше всего нравилась большинству в крестьянской России (анархическая «зеленая»), в политическом отношении представлялась наиболее аморфной и в военном смысле самой слабой. В долгосрочном аспекте анархистский «рыночный социализм» был заведомо нежизнеспособен. К тому же среди «зеленых» атаманов никто не смог стать политическим лидером национального уровня. Поэтому «зеленое» движение, пик которого пришелся на 1920–1921 гг., было обречено на поражение. Крестьянство оказалось вынуждено признать большевистский режим как *second best* (или, скорее, как меньшее зло – незначительное в сравнении с режимами «белых» правительств).

Конкуренция «красной», «белой» и «зеленой» моделей социально-экономического регулирования закончилась в годы Гражданской войны в некотором смысле общим поражением: ни одна из этих моделей не оказалась, в конечном счете, достаточно результативной. Безоговорочно победив «белых» в «большой гражданской войне», советское руководство пошло на компромисс в «малой гражданской войне» с «зелеными». Оно хотя и жестоко подавило мятежи, но одновременно выполнило требования восставших – отменило продразверстку и перешло от «военного коммунизма» к НЭПу. Новая экономическая политика стала своего рода «золотой серединой» между «красной» и «зеленой» моделями развития.

Альтернативы Великого перелома. НЭП является, по существу, первым в мировой истории опытом смешанной экономики – соединения в условиях мирного времени частного предпринимательства и активного государственного регулирования. Сельское хозяйство оставалось в руках крестьян, торговля продуктами возобновилась, а существенная часть промышленности, не относящаяся к «командным высотам», денационализировалась.

В период НЭПа восстановительный экономический рост был стремителен: как в промышленности, так и в сельском хозяйстве к 1928 г. оказались достигнуты результаты, в основном превышающие довоенные показатели. Однако, несмотря на выдающийся прогресс, советское правительство через 7 лет после провозглашения НЭПа отказалось от него в пользу радикально иной социально-экономической политики.

Часто утверждают, что отказ от НЭПа произошел в период очевидного торжества этой политики. Но на самом деле объективные результаты НЭПа не следует переоценивать. НЭП был успешен в обеспечении восстановительного роста, однако существовали большие сомнения в том, сможет ли он обеспечить объективно необходимый качественный скачок в социально-экономическом развитии. Критики НЭПа утверждали, что к концу 1920-х гг. экономический подъем достиг своего предела в отсутствие значительных новых инвестиций. Основной капитал в тяжелой промышленности в 1924 г. оценивался на 23% ниже своего максимального показателя 1917 г., к тому же капитал был устаревшим и нуждался в замене. Военная индустрия оставалась слабой, что крайне беспокоило партийное руководство, не без оснований опасавшееся повторения иностранной интервенции. Во второй половине 1920-х гг. обозначились проблемы и в сфере государственных хлебозаготовок. Эти события и стали началом конца НЭПа.

Следует учитывать, что в 1920-е гг. партийное руководство СССР объективно решало проблемы не столько «коммунистического строительства», сколько догоняющего развития, те проблемы, которые приняли всемирные масштабы в 1950–1960-е гг. после появления новорожденных государств «третьего мира». Поэтому для понимания институционального выбора СССР полезно сопоставить развитие нашей страны с парадигмами экономической теории развития (economics of development) [Нуреев 2008].

Из идей пяти основных концепций экономики развития в Советской России 1920-х гг. высказывались и хотя бы частично применялись в той или иной форме абсолютно все (*таблица 2*). Поскольку эти парадигмы в значительной степени дополняют друг друга, НЭП можно трактовать как своеобразную институциональную конкуренцию – осторожного определения оптимального пути развития. Но к концу 1920-х гг. пришлось выбирать, на какую из концепций делать основную ставку. В результате в 1928–1929 гг. произошел отказ от НЭПа, т.е. отречение от развития смешанной экономики в пользу институтов командной экономики.

Если взглянуть на Великий перелом с точки зрения проблем экономики развития, то он во многом теряет уникальность и предстает как своеобразная смесь неоклассического и традиционно-институционального подходов к решению задач догоняющего национального развития. Такой выбор, по всей видимости, был неизбежен. Ведь для «большого толчка» при помощи крупных внешних займов не было политических условий: как гласит известный анекдот, советским дипломатам при обсуждении возможностей кредитов откровенно заявили, что

после отказа от оплаты царского внешнего долга Советская Россия может рассчитывать только на «Капитал» Карла Маркса. Следует упомянуть, что до возможности самодостаточного развития социалистический лагерь дорастет только в 1950-е гг. А поскольку идея защиты прав собственности предприимчивых людей слишком противоречила национальному менталитету и большевистской идеологии, выбирать приходилось не столько инструменты модернизации, сколько конкретные методы их применения.

Таблица 2. Аналогии между подходами к проблеме «первоначального социалистического накопления» в СССР 1920-х гг. и парадигмами экономической теории развития 1950–2000-х гг.

Характеристики парадигм	Кейнсианский подход	Неоклассический подход	Традиционно-институциональный подход	Неоинституциональный подход	Леворадикальный подход
Разработчики парадигмы	Х. Чинери, 1960-е гг.	У.А. Льюис, 1960-е гг.	Г. Мюрдаль, 1960-е гг.	Э. де Сото, 1980-е гг.	А. Эммануэль, 1960-е гг.
Главная проблема модернизации	Недостаток финансовых (инвестиционных) ресурсов	Недостаток трудовых ресурсов в современном секторе	Низкое качество управления и трудовых ресурсов	Слабая защита прав собственности, рентоискательство вместо конкуренции	Тормозящее влияние капиталистической мир-системы
Метод решения главной проблемы	Внешние займы на мировом финансовом рынке	Перелив рабочей силы из традиционного сектора в современный сектор	Формирование «нового человека» – повышение уровня жизни наиболее бедных слоев населения	Защита прав собственности предпринимателей	Самодостаточное национальное экономическое развитие
Близкие подходы к «первоначальному социалистическому накоплению»	«Линия Красина»: предоставление концессий, наращивание экспорта	«Линия Троцкого» (концепция Е.А. Преображенского): госзакупки зерна по заниженным ценам	«Линия Бухарина»: призывы крестьян к «обогащению», пропаганда культурной революции и «врастания крестьянина в социализм»	Некоторые идеи «позднего» Ленина (о «строении цивилизованных кооператоров»)	«Линия Сталина» во время «холодной войны»
Препятствия реализации в СССР 1920–1930-х гг.	Экономическая блокада со стороны развитых стран	Необходимость преодолеть сопротивление крестьянства	Нацеленность на быстрые успехи, в то время как формирование «нового человека» происходит медленно	Массовый правовой нигилизм, негативное отношение к предпринимательству	Слабое развитие многих отраслей промышленности

Предвосхищая идеи неоклассиков, партийное руководство организовало в 1930-е гг. перелив ресурсов из традиционного сельского хозяйства в современную промышленность. Как и предлагали позже традиционалисты, в советской социальной политике обращалось существенное внимание на улучшение жизни самых бедных слоев города и деревни. Спецификой советского догоняющего развития стало активное применение насилия и правил «игры с нулевой суммой»: чтобы поднять городскую индустрию, была «ограблена» деревня;

чтобы добиться поддержки бедных, государство уничтожало «как класс» более состоятельные слои. Соотношение издержек и выгод советского догоняющего развития в результате оказалось не слишком эффективным.

В основу Великого перелома легла стратегия по накоплению капитала, предложенная еще в середине 1920-х гг. «левыми уклонистами»-троцкистами (прежде всего, Е.А. Преображенским) [Erlich 1960; Spulber 1964; Аллен 2013]. Они утверждали, что индустриализация требует, чтобы рабочая сила перетекала из деревни в город, где промышленные рабочие будут потреблять сельскохозяйственные излишки. Такое перераспределение могло осуществиться только в том случае, если крестьяне стали бы потреблять меньше, чтобы растущие города могли потреблять больше. Соответственно, Е.А. Преображенский предложил ввести государственную монополию на зерно, которая установила бы низкую закупочную цену, а затем на перепродажу зерна по высоким розничным ценам и использование торговой прибыли для финансирования промышленных инвестиций. Однако Преображенский не мог объяснить, по какой причине советские крестьяне должны будут продавать государству зерно по искусственно заниженным ценам. Партийное руководство смогло разрубить этот гордиев узел – оно ввело в модель Преображенского принудительную коллективизацию как метод обеспечения продаж сельхозтоваров по низкой цене.

Незамедлительным негативным следствием коллективизации и роста централизации сельхозпродуктов стало существенное падение в 1929–1933 гг. сельскохозяйственного производства. Есть несколько оценок урожаев зерна в СССР в 1928–1940 гг. в гипотетических условиях «долгого НЭПа». Сравнение разных контрфактических (ретропрогнозных) оценок с данными реальной истории показывает, что, начиная с 1931–1932 гг., фактический сбор был более чем на 10% ниже, нежели в любой контрфактической модели. Это доказывает, что принудительная коллективизация оказала сильное тормозящее влияние на агроэкономику страны [Хантер, Ширмер 1995].

Принудительное изъятие зерна у колхозников явилось ключевым фактором катастрофического голода в ряде аграрных регионов страны, который достиг своего пика в 1932–1933 гг. Количество умерших⁵ и степень вины партийного руководства за этот «голодомор» остаются предметом острых дискуссий (в т.ч. с политическим оттенком) и в наши дни. «Голодомор» подтверждает концепцию А. Сена, что голодовки, как правило, связаны не с недостатком продуктов, а с институциональными «провалами». Урожай 1932–1933 гг. не были особенно низкими, но крестьяне, насильственно загнанные в колхозы, не стремились выращивать и собирать больше, чем им нужно было самим для пропитания, полагая, что государство будет вынуждено смириться с провалом хлебозаготовок. Именно так крестьяне действовали в 1920 г., не желая тратить силы на выращивание продуктов, которые продотряды забирали почти даром. Но в 1930-е гг. партийное руководство оказалось более упорным и безжалостным – угроза голодной смерти не рассматривалась как повод для снижения обязательных хлебозаготовок.

Насильственная коллективизация вызвала едва ли не войну деревни (отнюдь не только кулаков) против советской власти. Отчеты советских спецслужб насчитывают около 13 тыс. крестьянских восстаний с участием сотен тысяч крестьян

⁵ Наиболее объективной считается оценка жертв в 7 млн чел., из которых 3–4 млн чел. пришлось на Украину, и 1–2 млн чел. – на Казахстан.

только в отдельно взятый 1929-й год. В 1930 г. ОГПУ казнило более 20 тыс. крестьян [Хлевнюк 1996, с. 17–19]. И повторению массовых антисоветских восстаний, как в 1920–1921 гг., препятствовало главным образом лишь отсутствие у крестьян оружия.

Коллективизация инициировала большой приток на промышленные стройки рабочей силы, которая была хотя и малоквалифицированной, но зато дешевой или даже абсолютно бесплатной. С одной стороны, раскулачивание дало первый массовое поступление бесплатной рабочей силы в ГУЛАГ: по состоянию 1 января 1933 г. лагеря содержали 334 тыс. заключенных, еще 1142 тыс. проживали в специальных поселениях, и большинство из них были именно жертвами коллективизации [Хлевнюк 2001, р. 116; ГУЛАГ 2005]. С другой стороны, загнанные в колхозы крестьяне сами стремились переселиться из голодающей деревни в города. Чтобы предотвратить обезлюдивание агросферы, правительство с помощью паспортной системы создало «новое крепостное право», прикрепляющее колхозников к их рабочему месту: в 1932 г. были введены прописка и внутренние паспорта, которые крестьянам не выдавались.

Когда к концу 1930-х гг. советская командно-административная система полностью сформировалась, то она начала поразительно напоминать идеальную модель азиатского способа производства с типичными для него полным господством государственной власти-собственности, «тотальным контролем» и «тотальным подчинением» [Wittfogel 1957].

До сих пор продолжаются дискуссии, в какой степени насильственная коллективизация была вызвана необходимостью решать экономические проблемы ускоренной индустриализации, а в какой – стремлением партийного руководства к политической победе над крестьянством. «Выдавливание» ресурсов из деревни являлось, по всей видимости, неизбежным выбором, однако сама насильственная коллективизация была во многом результатом конкретных решений «шаг за шагом», чем некоего заранее составленного стратегического плана.

Партийное руководство СССР, в принципе, понимало негативные издержки насильственной коллективизации, поэтому решение о ее проведении принималось нелегко. Даже некоторые большевистские лидеры прямо высказывались, что если бы крестьяне были готовы поставить государству зерно по заниженным ценам, то необходимость в коллективизации отпала сама собой. Именно так заявил А. Микоян в июне 1929 г.: «... Я убежден, что в отсутствие проблем с зерном вопрос о сильных коллективных хозяйствах... не был бы поставлен сегодня в таком масштабе и с такой силой... и если бы зерно имелось в изобилии, то настолько серьезного вопроса об организации колхозов и совхозов на сегодняшний день также не стояло бы» (цит. по: [Davies 1989, р. 120]).

Вопрос заключается в том, могли ли советские крестьяне согласиться на поставку зерна по заниженным ценам в обмен на сохранение самостоятельности своих хозяйств. Опыт стран Восточной Европы (например, Польши и Югославии) второй половины 1940-х – 1950-х гг. показывает, что коммунистический политический режим, в принципе, может отказаться от принудительной коллективизации сельского хозяйства, однако в этих странах отсутствовала особая необходимость «грабить» деревню ради подъема городской экономики, поскольку они могли опереться на помощь СССР.

Пока никто из экономистов-историков не разработал достаточно доказательного ретропрогноза, как Советская Россия смогла бы осуществить ускоренную

индустриализацию без ограбления деревни. Есть, правда, во многом сенсационное исследование британского экономиста-историка Р. Аллена. По его оценке, развитие институтов централизованного планирования и неограниченного кредитования действительно способствовало промышленному экономическому росту в СССР, а вот варварская политика насильственной коллективизации дала лишь относительно небольшую добавку [Allen 1997; Allen 2003]. После того, как в России почти одновременно издали брошюру А.М. Маркевича и М. Харрисона [Маркевич, Харрисон 2013], критикующих советские экономические методы, и монографию Р. Аллена «От фермы к фабрике» [Аллен 2013], во многом реабилитирующего эти методы⁶, следует ожидать нового взрыва дискуссии о результативности Великого перелома. Пока лишь заметим, что парадоксальная «ре-интерпретация советской промышленной революции» Р. Аллена подвергается критике [Элман 2007] и еще не получила общего признания. Поэтому вопрос о реальности альтернатив Великому перелому остается открытым.

С 1950-х гг. развитие советской экономики в течение трети века происходило в рамках относительно стабильной системы «правил игры», лишь некоторые из которых существенно менялись. Решая проблемы догоняющего развития, партийное руководство СССР попало в зависимость от предшествующего развития: на рубеже 1920–1930-х гг. был выбран «пакет» институтов, являвшихся относительно результативными (хотя и малоэффективными) в среднесрочной перспективе, однако в долгосрочной перспективе загонявших советское общество в тупик.

«Зияющие высоты» системы советского планирования

Чтобы понять, какие именно характеристики советской экономической системы тормозили развитие и в конечном счете привели к гибели советской модели, необходимо отказаться от манихейского деления на «хорошее» и «плохое». Недостатки советской экономики были продолжением ее достоинств, а достоинства – следствием недостатков. С одной стороны, создать национальную экономику без «ахиллесовых пяток» не удавалось еще нигде и никому, и большевики не стали исключением из этого общего правила. С другой стороны, 70 лет советской истории и положительный образ СССР в воспоминаниях подавляющего большинства наших современников доказывают, что советская модель экономики определенно не была мертворожденной. Задачей институционального анализа является исследование соотношения «плюсов» и «минусов» советских «правил игры» – в каких границах эти правила все же работали на модернизацию общества, а в каких – на демодернизацию. Именно с этих методологических позиций есть смысл взглянуть на советскую плановую систему. Ведь планирование – главный институт советской экономики, которую неслучайно до сих пор в зарубежных курсах по экономической компаративистике называют «плановой экономикой» (в противовес «рыночным экономикам»).

⁶ Г. Ханин еще десятилетие назад сделал вывод, апеллируя в том числе и к выводам Р. Аллена, что «чтобы преодолеть далеко зашедшую экономическую отсталость, России приходилось и, видимо, придется использовать мобилизационные методы» [Ханин 2004].

Неограниченное планирование – ограниченная планомерность. Парадокс того, что планомерность – главный, казалось бы, атрибут советской экономической системы, давно находится «под подозрением». С одной стороны, советская эпоха была эпохой пятилетних планов. С другой стороны, неочевидно, что эти пятилетние планы *на самом деле* создавали планомерность – соответствие реально достигнутых результатов заранее намеченным общественно необходимым целям.

Американский историк-экономист Юджин Залески еще в 1960-е гг. указал на сомнительную работоспособность пятилеток [Zaleski 1962]. По его мнению, хотя официально все советские пятилетки объявлялись успешными, но реально пятилетние планы систематически недовыполнялись. Конечно, Ю. Залески имел очень ограниченные возможности знакомиться с материалами советского планирования. Однако в 2000-е гг. российский экономист А.М. Маркевич, изучая архивы советских наркоматов 1930-х гг., подтвердил выводы Залески [Маркевич 2004; Маркевич 2005].

Когда советская плановая система начинала формироваться, то каждый следующий прогноз был амбициознее предыдущего. Печальная судьба Н.Д. Кондратьева и его коллег из разгромленного в 1928 г. (как раз в начале первой пятилетки) Конъюнктурного института наглядно показывала, как опасно отклоняться от «предписанного начальством» оптимизма. Однако плановые показатели амбициозной первой пятилетки (1928–1933 гг.) достигли всего лишь 60% от намеченных. Вторая пятилетка установила более скромные производственные данные, однако и ее выполнили в среднем чуть больше чем на 70% (таблица 3).

Таблица 3. **Выполнение заданий первых советских пятилетних планов (сравнение официальных советских показателей и западных оценок), в %**

Показатели	1928–1932 гг.		1933–1937 гг.	
	официально	западные оценки	официально	западные оценки
Национальный доход	92	70	96	67
Промышленное производство	101	60–70	103	76–93
Товары производственного назначения	128	72	121	97
Товары народного потребления	81	46	85	68
Сельскохозяйственное производство	58	50–52	63–67	66–78

Источники: [Jasny 1962, p. 266; Zaleski 1980, p. 503; Nove 1969, p. 353].

В период самого благополучного экономического роста, в 1945–1965 гг., пятилетние планы выполнялись лучше, чем предыдущие. Однако после провала косыгинских реформ печальная тенденция «выполнения посредством недовыполнения» начала усиливаться, хотя амбициозность советских экономических планов в брежневскую эпоху стремительно падала (таблица 4). Стабильно недовыполнялись не только планы по товарам народного потребления, но и оборонные заказы, которым всегда отдавался приоритет [Gregory 2003].

Планирование, когда высшее руководство страны постоянно принимает нерелистичные планы и скрывает (не только от народа, но и от самих себя) их систематическое недовыполнение, лишь на поверхностный взгляд является абсурдом и/или «русской безалаберностью». На самом деле «в его безумии есть метод».

Аксиоматично предполагается, что макроэкономическое планирование направлено на максимизацию общественного благосостояния. Тем самым, вопреки концепциям современной политической экономии, интересы тех, кто разрабатывает планы и контролирует их выполнение, не принимаются во внимание. На самом же деле при планировании и при контроле выполнения планов очень важную роль играет не только и часто не столько стремление максимизировать общественное благосостояние, сколько стремление удовлетворить групповой интерес планирующих субъектов.

Таблица 4. Выполнение заданий последних советских пятилетних планов

Показатели	1966–1970 гг.		1971–1975 гг.		1976–1980 гг.		1981–1985 гг.	
	план	ре-ально	план	ре-ально	план	ре-ально	план	ре-ально
Темпы ежегодного прироста ВВП, %	6,5–7,0	5,0	5,8	3,1	4,0	1,8	4,0	1,8
Темпы ежегодного прироста промышленного производства, %	8,2	6,3	8,0	5,4	4,9	1,8	4,9	1,8
Темпы ежегодного прироста сельскохозяйственного производства, %	5,5	3,7	3,7	–0,6	5,0	2,1	5,0	2,1

Источник: [Handbook of Economic Statistics 1988, p. 62].

Если рассмотреть историю государственной плановой деятельности за последнее столетие, то можно выделить три качественно разных типа макроэкономических планов:

1) планы-программы реального развития, для которых характерны научная обоснованность, напряженность и контроль над реальным выполнением;

2) планы-мобилизационные призывы (сталинские пятилетки), для которых типичны волонтаризм, гипернапряженность и контроль над выполнением с элементами фальсификации;

3) планы-имитации активности (поздние советские пятилетки и некоторые постсоветские российские программы), которые характеризуются слабой научной обоснованностью, низкой напряженностью и слабым контролем над выполнением.

Главным критерием данной классификации выступают субъекты планирования. В первом случае государственные планирующие органы не только выступают от имени граждан, но и подчиняются контролю гражданского общества. Этот тип планирования типичен для развитых стран, активно использующих кейнсианские методы регулирования (можно вспомнить, например, французские планы 1950–1960-х гг. и японские планы 1960–1970-х гг.). Когда этот контроль отсутствует,

как в большинстве стран догоняющего развития, то, в принципе, государственные служащие могут «из чувства долга» работать ответственно и принимать планы первого типа. Однако более вероятно, что госслужащие, стоящие над обществом, будут принимать и выполнять планы второго и третьего типов. Если политическая элита функционирует в мобилизационном режиме (как это было в 1930–1940-е гг.), то планирование будет развиваться по второй модели. Если же политическая элита трансформируется в «класс для себя» (как советская номенклатура), то планирование примет третью, иммитационную форму. Планы второго и третьего типов способны сосуществовать, поскольку групповые интересы политической элиты могут быть тесно связаны с решением одних макроэкономических проблем и слабо связаны с решением других.

По мнению Юджина Залески, советские пятилетки являлись именно мобилизационными призывами, поскольку имели в большей степени политическое и идеологическое значение, чем реально экономическое. Это отнюдь не означает, будто планирование было фикцией. Производство в СССР *на самом деле* регулировалось планами, только не пятилетними, а годовыми и квартальными, которые к тому же часто менялись. Известны случаи, когда годовые планы поступали на предприятия уже в середине года или не поступали вообще. Как указывает А.М. Маркевич, «значение планирования в наркоматах заключалось не в составлении планов наркоматов, а в обмене информацией между наркоматами и подчиненными им экономическими агентами» [Маркевич 2005]. Речь идет об институте *бюрократического торга*: наркоматы требовали от директоров производить больше продуктов, директора обосновывали объективными причинами необходимость снизить плановое задание или увеличить ресурсы, текущий вариант плана отражал достигнутый консенсус.

Таким образом, советскую экономику точнее было бы характеризовать как «централизованно управляемую» или «планируемую», чем как «плановую». Этот важный тезис построен на различении *плановой деятельности* как таковой и *результатов плановой деятельности*. Экономика СССР регулировалась при помощи планов, но планомерность – точное достижение запланированных целей, отражающих объективные стратегические приоритеты национальной экономики, – наблюдалась далеко не всегда. Для обозначения похожих практик централизованного управления в обществах азиатского способа производства (прежде всего, в древнем и средневековом Китае) предлагалось понятие «*частичная планомерность*» [Латов 1993]; оно вполне уместно и для характеристики советской экономической модели. В последние десятилетия существования СССР контраст между плановым управлением и фактической потерей централизованного контроля над экономикой стал настолько явным, что экономисты начали даже говорить о «плановой анархии».

Планирование диспропорций. Проблема советского планирования заключалась не только в том, что планы плохо выполнялись, но и в неприемлемом качестве самих плановых заданий.

Для советской командно-административной системы с самого начала была характерна негибкость в принятии решений. По существу, управление происходило по принципу, описанному еще в начале 1920-е гг. советским экономистом Л.Н. Крицманом, который остроумно назвал его «ударный нос и неударный хвост!». «...К чему сводится наше “ударное” хозяйничанье? – писал Л.Н. Крицман. – Какая-нибудь отрасль труда объявляется ударной. “Все на имярек”. Дело идет на лад.

Но тут же, как только или еще до того, как с большими усилиями удастся вытащить “ударный” нос, обнаруживается, что увяз “неударный” хвост. Хвост немедленно объявляется ударным, и история начинается сначала» [Крицман 1921, с. 6].

Действительно, первоначально планирование осуществлялось на основе отраслевых проектировок. Определялись задания по важнейшим отраслям тяжелой промышленности (производству чугуна, стали, проката, электроэнергии и т.д.), и для их развития выделялись основные имеющиеся ресурсы. На удовлетворение нужд других отраслей шел тот минимум, который оставался после решения первоочередных задач. По существу, довоенные и первые послевоенные пятилетки не были полностью сбалансированы и *всегда* содержали частичные диспропорции.

Центральные плановые органы были не в состоянии охватить все народнохозяйственные пропорции. Приблизительно и кустарно увязывались лишь главные задания плана с имеющимся количеством наиболее важных и органических ресурсов. Более детально общегосударственный план дорабатывался механически – путем применения нормативов, основанных на прошлом опыте. Как правило, ставилась задача: наращивать производство, исходя «от достигнутого», т.е. отталкиваясь не от реального совокупного спроса (который оставался неизвестным), а от того уровня экономических показателей, которыми завершался предыдущий плановый период.

Госплан долгое время ограничивался разработкой одного варианта общегосударственного плана, не пытаясь путем многовариантных расчетов найти наиболее эффективные экономические решения. После того, как план был официально утвержден, он по указаниям руководящих органов многократно переделывался по объективным и субъективным причинам. Поскольку в плановом порядке поддерживалась дефицитная экономика, а необходимые для воспроизводства резервы (свободные производственные мощности, сырье, финансовые средства) всегда отсутствовали, то народнохозяйственный план представлял собой некое подобие не раз перекроенного «тришкина кафтана». Его окончательная доводка и исправление проводились в ходе реализации плановых заданий, которые предписывалось выполнять «любой ценой». Однако в процессе выполнения плана неизбежно обнаруживались явные ошибки в расчетах и диспропорции, заложенные в самом плане: то добывалось слишком большое количество железной руды, а для выплавки металла не хватало кокса или же был произведен недостаточный объем запасных частей для поддержания в рабочем состоянии станков, установленных на новом заводе. Поэтому то, что народнохозяйственные планы – вопреки победным официальным сообщениям – на деле не выполнялись, является в значительной степени результатом не только завышенности, но и органической диспропорциональности планов. Если бы некорректно составленный план был бы каким-то чудом выполнен на 100%, то экономика могла бы пострадать сильнее, чем при его невыполнении.

«Планирование от достигнутого», которое в последние десятилетия существования СССР постоянно находилось под огнем критики, являлось следствием не невежества «отсталых» плановиков, а объективной гиперсложности увязки всех плановых показателей, которая была обусловлена не только отсутствием интернета (как механизма быстрой передачи информации) и ЭВМ (как механизма обработки информации). Еще в самом начале истории советской командной экономики «буржуазный» экономист Б.Д. Бруцкус справедливо указал на принципиальную невозможность эффективной организации тотального планирования даже при самой идеальной организации сбора и обработки информации, поскольку многие

потребности и ресурсы носили неявный характер [Бруцкус 1990]. Пока запрос был очевидным и относительно простым (по типу «обеспечить Красную Армию танками» или «обеспечить советских людей хлебом»), этот принципиальный «провал государства» можно было не принимать во внимание. Однако по мере усложнения производственных и личных потребностей «планирование от достигнутого» не столько решало, сколько умножало социально-экономические проблемы.

Лишь в 1960–1970-е гг. произошел переход к комплексному многовариантному планированию, основанному на балансовом методе. Однако тогда на передний план вышли новые проблемы, возникшие с ростом масштабов народного хозяйства и усложнением его структуры.

В начале 1980-х гг. Госплан составлял более 2000 балансов, имевших около 50 тыс. позиций. В этих условиях госплановские документы приобретали все более обобщенный характер, происходило понижение качества согласования производства и распределения видов продуктов. К этому добавлялось противоречие между продуктовой и отраслевой классификацией, которое не решал и межотраслевой баланс, при планировании от достигнутого фактически основывавшийся на нормах затрат предыдущих лет. Отражая устаревшие технические коэффициенты, этот баланс, составляемый Госпланом, оказывался хронически консервативным.

Если в 1920-х гг. в стране насчитывалось всего два десятка индустриальных отраслей, то в начале 1990-х гг. – свыше 500 отраслей, подотраслей и видов производства, более 45 тыс. крупных предприятий. Промышленность выпускала свыше 24 млн наименований видов продукции. В начале 1980-х гг. число ежегодно составляемых плановых показателей оценивалось в огромную величину – 2,7–3,6 млрд, в том числе в центре утверждалось порядка 2,7–3,5 млн [Нойв 1990, с. 49]. Большая часть этих показателей (до 70%) приходилась не на конечное, а на промежуточное производство – на распределение материалов и планирование поставок. Чтобы сбалансировать все эти показатели, были необходимы методы сбора и обработки информации, которые появились лишь в 1990-е гг. Плановое хозяйство оказалось чрезвычайно громоздким и неповоротливым (рисунки 1).

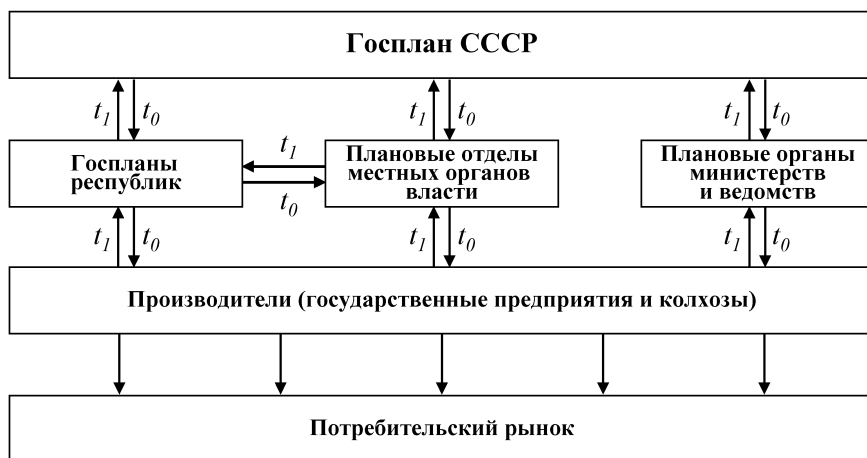

Рисунок 1. Плановое управление экономикой СССР (по А.И. Гретченко)

Сильные стороны планирования в командной экономике сказываются при ее относительно малых размерах (как в 1920–1950-е гг.), когда у центра есть возможность непосредственно контролировать все основные процессы, происходящие в национальной экономике. Если же хозяйство становится слишком большим, то получение точной информации и контроль усложняются, недостатки централизованного планирования (прежде всего, имманентный дефицит) начинают перевешивать достоинства.

Как доказал венгерский экономист Я. Корнай, *экономика дефицита* – характерная черта директивного планирования [Корнай 1990]. В условиях административно-командной системы спрос ограничен не наличной денежной массой, а государственной системой централизованного распределения. В этих условиях возникает *постоянный дефицит отдельных товаров и услуг*, когда потребители не могут приобрести нужную им продукцию, несмотря на наличие денег. Парадокс заключается в том, что дефицит возникал в советской экономике в условиях всеобщей занятости и почти полной загрузки производства.

Формы дефицита в условиях административно-командной системы были весьма многообразными. Существовал *товарный дефицит* на предметы потребления и средства производства, но ликвидация дефицита какого-либо товара обычно порождала целую вереницу других. Рыночная экономика, как известно, быстро реагирует на возникновение дефицита ростом цен. Повышение цен делает более рентабельным, более прибыльным производство данного товара, что способствует перераспределению капитала и труда в эту отрасль. Такой автоматический «перелив» факторов производства в условиях жестко централизованной системы огосударственной экономики был невозможен, так как все ресурсы распланированы заранее и распределены «сверху». Пока административно-командная система перераспределяла ресурсы, проходило значительное время и, возможно, острая потребность в этом товаре уже исчезала. Однако возникал новый спрос, для удовлетворения которого снова был необходим значительный временной лаг.

Другой стороной дефицита являлся *дефицит трудовых ресурсов*, связанный с нерациональностью использования рабочей силы, отсутствием действенных стимулов к производительному труду, его низкой эффективностью и недостаточной мобильностью.

Наконец, в СССР существовал *дефицит финансовых ресурсов*, причинами которого являлись как неоптимальное финансирование, так и нерациональное использование выделенных госбюджетом денежных средств, невозможность перенаправить их на другие программы. Целевой характер финансирования и строгий контроль над потреблением выделенных финансов не позволяли гибко использовать имеющиеся ресурсы. Существовавшая система финансирования фактически не стимулировала и экономию уже выделенных средств, поскольку значительная экономия в текущем году могла стать основанием для сокращения финансовых средств в будущем году.

Итак, советская плановая система имела сразу две «ахиллесовы пяты»: во-первых, планы по идеологическим соображениям были нереалистичными (завышенными) и, как следствие, они реализовывались через систематическое недовыполнение; во-вторых, планы были органически диспропорциональными, постоянно генерирующими различные дефициты. Первый из недостатков сильнее проявлялся в 1930–1950-е гг., второй – в 1960–1980-е гг.

Монополизм как метод уменьшения «провалов планирования». Недовыполняемость и диспропорциональность советского планирования проявлялись тем сильнее, чем больше было объектов хозяйствования. В тех условиях учесть потребности и выпуск крупного производства было гораздо легче, чем большого числа мелких предприятий. Поэтому объективная логика командной экономики требовала стимулирования гигантизма – производства основной продукции ограниченным количеством крупных предприятий. Монополия советской элиты на управление естественно приводила к развитию *административной монополии* – выпуску отдельных видов товаров крайне ограниченным количеством предприятий, избавленных от иностранных конкурентов.

Новые заводы и фабрики, быстро строящиеся в 1930-е гг., сознательно создавались как крупные предприятия-гиганты, монополисты в соответствующих отраслях и подотраслях. Коллективизация сельского хозяйства на рубеже 1920–1930-х гг. и кампании укрупнения колхозов и совхозов в 1950-е также вели к формированию максимально крупных производственных единиц, удобных для управления (но не всегда для производства). Эта гигантомания была продиктована не только общей ориентацией на будущее коммунистическое общество, предпочтением завтрашнего дня сегодняшнему. В этом сказывалось и стремление реализовать объективные экономические преимущества крупного производства над мелким (эффект экономии на масштабе). Наконец, немаловажным обстоятельством было и то, что крупномасштабное строительство всегда было заметнее, могло быть по достоинству оценено вышестоящим начальством. В результате к концу советской истории, как указывалось в программе «500 дней» (1990 г.), почти 2 тыс. продуктов производились на единственном предприятии; удельный вес монопольного производства в машиностроительном комплексе составлял 80%⁷.

Отрицательные последствия советской гигантомании не заставили себя долго ждать. В период 1930–1950-е гг. широкий внутренний рынок и отсутствие конкуренции со стороны развитых капиталистических стран (заочная конкуренция наблюдалась только в сфере ВПК) способствовали ориентации экономики на внедрение универсальных технологий; акцент делался на количестве, а не на качестве выпускаемых изделий.

Ориентация на крупное производство не учитывала местные и региональные потребности, которые могли быть более эффективно удовлетворены мелкими и средними предприятиями. Игнорирование местных и национальных нужд способствовало углублению дефицита товаров. Недооценка мелкой механизации препятствовала повышению эффективности общественного труда, при этом сооружение предприятий-гигантов, не считающихся с интересами районов, областей и целых республик, обостряло проблему сочетания территориального и отраслевого развития. Длительный период строительства заводов-гигантов, медленные сроки их окупаемости стали одной из важных причин инфляции.

Самое главное, высокая монополизация советской экономики сильно затормозила технический прогресс в дальнейшем (с 1960-х гг.). Бесконкурентные условия производства заводов-гигантов не ставили их перед необходимостью быстрого обновления выпускаемой продукции. Трудности, с которыми столкнулись эти предприятия, были иного рода – они тесно переплетались не с задачами реализа-

⁷ Например, 96% выпуска магистральных тепловозов было сосредоточено в объединении «Ворошиловградтепловоз», 100% бытовых кондиционеров – в объединении «Баккондиционер».

ции продукции, а с проблемой обеспечения этого выпуска необходимыми ресурсами (сырьем и комплектующими изделиями).

Трудности материально-технического снабжения крупных предприятий приводили к парадоксальному явлению, когда в условиях углубляющегося разделения труда внутри каждого из предприятий-гигантов нарастали тенденции натурально-хозяйственного характера. Это выражалось в том, что основное производство обрастало комплексом дополнительных и вспомогательных хозяйственных структур, помогающих ему решить (конечно, до известных пределов) вопросы материально-технического снабжения, снять остроту проблем обеспечения рабочих продуктами питания и условиями отдыха.

В результате многие предприятия предпочитали универсальное оборудование специализированному, что приводило к росту затрат при более низком качестве продукции. Увеличение вспомогательных служб и производств способствовали разбуханию ремонтной базы, росту ручного и изменению характера инженерного труда, при этом главной функцией последнего становилось обеспечение производства сырьем и материалами (функция «толкача»), а не разработка и внедрение новой техники. Текущие задачи по снабжению и оперативному управлению вытесняли перспективные, связанные с научно-техническим прогрессом. Неритмичность поставок вела к возрастанию сверхнормативных запасов, являвшихся не только фактором, который гарантировал бесперебойность производства в условиях несбалансированной экономики, но и ценным ресурсом, который можно обменять у другого предприятия на дефицитные средства производства. Параллельно с плановым обменом в отношениях между советскими предприятиями развивался неформальный бартер.

Высокая монополизация была характерна для целых отраслей, что не могло не отразиться и на интересах управляющих ими министерств и ведомств. По мере укрепления их положения они приобретали свои самостоятельные интересы, нередко значительно отличающиеся от интересов как производителей, так и потребителей. Особенно наглядно это проявлялось в ситуации с научно-техническим прогрессом.

В зарубежной экономической советологии давно укрепилось мнение об *антиинновационности* как главном недостатке советской экономики. Американский экономист Джо Берлинер еще в 1970-х гг. писал об этом: «Основная проблема старой (советской) экономической структуры заключается в том, что она максимально поощряла руководителей отдавать предпочтение признанным продуктам и процессам и препятствовать внедрению инноваций, бояться нового, как черт лада» [Berliner 1976]. В советском обществе действовал административный, а не экономический механизм внедрения достижений научно-технического прогресса, шедший, как правило, не «снизу», а «сверху», с ориентацией не столько на достижения советской науки, сколько на практический опыт зарубежных стран. Это приводило к тому, что зачастую в разработку принимались далеко не лучшие идеи, а при реализации полезных инноваций стремление показать начальству ожидаемый отличный результат превалировало над соображениями эффективности (как это было, например, во время кукурузной кампании при Н.С. Хрущеве).

При чрезмерном огосударствлении экономики в СССР отсутствовал реальный потребитель, экономически заинтересованный в достижениях научно-технического прогресса в производстве. В условиях административной системы управления сферой научно-исследовательских и опытно-конструкторских раз-

работок (НИОКР) росло число работ, удовлетворяющих текущие интересы вышестоящих организаций в ущерб разработке приоритетных направлений науки и техники. Ускорению НТП препятствовали сохраняющаяся многоступенчатость и сложность принятия ответственных управленческих решений, чрезмерная длительность согласования с другими министерствами и ведомствами межотраслевых проблем, возникающих в ходе изготовления новой техники. Реализация инноваций на предприятии увеличивала риск невыполнения плана (тем более высокий, чем капитальнее была предлагаемая инновация), а полученную в случае успеха финансовую выгоду забирали в бюджет [Ольсевич, Грегори 2000, с. 13].

В результате такого институционального дестимулирования в 1980-е гг. 85% всех изобретений внедрялись лишь в рамках одного предприятия, 14,5% – на двух и только 0,5% изобретений были реализованы на 3–5 заводах [Соловьев 1987, с. 65]. Спрос на производственные инновации наблюдался в отраслях, связанных с ВПК, где сохранялась заочная конкуренция с зарубежными производителями, но в сугубо гражданских отраслях борьба за потребителя отсутствовала, поэтому там не отмечалось и особого спроса на инновации⁸.

Перечисленные органические недостатки системы «всеобщего учета и контроля» были терпимы, пока государство, ориентируясь на развитые страны, решало задачи индустриальной модернизации. К 1950–1960-м гг. многим казалось, что «социалистический» путь развития дает результаты если не лучше, то во всяком случае и не хуже, чем «капиталистический». Однако именно в этот период в развитых странах началась научно-техническая революция, сформировавшая в итоге постиндустриальное общество. Но в рамках советской командной экономики апгрейд осуществлять было принципиально нельзя, поскольку для этого требовались более свободные работники и менее жесткое руководство. В СССР качественное отличие инновационной модернизации от индустриальной начало осознаваться лишь в горбачевский период, когда «поезд уже ушел».

Двойной дуализм институтов «социалистической» власти-собственности

Любая социально-экономическая система жизнеспособна, пока ее поддерживают действенные социальные акторы, и слабеет, когда «народ молчит». Это в полной мере относится и к советскому обществу, которое в 1930–1950-е гг., несмотря на культ личности Сталина, обновлялось относительно успешно, но в 1960–1980-е гг. потеряло темп, хотя партийные руководители того времени были заметно ближе к воплощению «социализма с человеческим лицом». Очевидно, в советском обществе происходили изменения, которые чем дальше, тем меньше способствовали модернизации и социальному единству. Главным из этих преобразований является усиление институтов власти-собственности номенклатуры нижнего и среднего звена, которая имела тенденцию трансформироваться в частную собственность.

⁸ Предложение инноваций в гражданских отраслях тоже было ниже, чем в военных. Как отмечал Р. Кэмпбелл, военные министерства СССР «поглощали львиную долю прироста научно-исследовательского потенциала на протяжении десятилетия, предшествовавшего 1985 г., тем самым лишая ресурсов сферу гражданских инноваций» (цит. по [Аллен 2013, с. 276]).

Поскольку эти превращения усиливали отчуждение «простых советских людей» и от власти, и от собственности, на рубеже 1980–1990-х гг. народ был готов поддерживать любого популиста, который критиковал «зажравшихся бюрократов»⁹.

Официальная власть-собственность государства-класса. Большевики шли к власти под лозунгами власти пролетариата и даже народовластия. Однако первые годы Советской России показали, что главными акторами нового режима являются государственные чиновники, которые вовсе не спрашивали советов у граждан, а навязывали им свои решения. Гиперцентрализм закономерно способствовал росту значения бюрократического аппарата: тогда, буквально за несколько месяцев, демократический социализм самоуправляющихся трудовых коллективов переродился в авторитарный.

Это было сделать тем легче, чем менее широкие массы были готовы к самостоятельному участию в политике. Накануне Октябрьской революции В.И. Ленин очень оптимистично оценивал перспективы привлечения трудящихся к политике: «Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. [...] Однако] Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т.е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» [*Ленин* т. 34, с. 315]. После того, как большевики взяли власть, обнаружилось, что приходится управлять трудящимися, не отвлекаясь на *очень* долгую работу по обучению их управлению. Конечно, произошло резкое обновление состава управленцев, однако «сознательные рабочие и солдаты», занявшие места царских чиновников, быстро теряли «классовую сознательность» и становились советскими бюрократами. Самое главное, что трудящиеся были в большей степени *готовы подчиняться* тем, кому они доверяют, чем *принимать ответственные решения самостоятельно*.

При советской системе руководители более низкого ранга назначались вышестоящими чиновниками и не несли ответственности перед работниками своих ведомств, организаций и учреждений. *Власть для народа* эволюционировала не во *власть народа*, а во *власть бюрократии от имени народа*. В 1918 г. быстро разрушился, так и не успев полностью сформироваться, механизм подчинения центра воле трудящихся: фактически не трудящиеся влияли на вождей через партию, профсоюзы и Советы, а, наоборот, вожди решали участь трудящихся через эти организации. В 1920-е гг. ситуация в какой-то степени сдерживалась полицентричностью власти внутри ВКП(б), однако в 1930-е гг. ликвидация «старой гвардии» в партии, огосударствление профсоюзов и лишение Советов реальной власти полностью парализовали обратную связь, а «советская демократия» окончательно превратилась в фикцию, прикрывающую вождизм и власть советской номенклатуры.

⁹ В этой связи следует скептически отнестись к «теореме предопределенности» Е. Балацкого, которая доказывает, что если имеет место конкуренция двух стран (в частности, СССР и США) по критериям социальной эффективности/справедливости (приоритет СССР) и экономической эффективности (приоритет США), то страна с более низким исходным уровнем экономической эффективности (в данном случае СССР) всегда проигрывает [*Балацкий* 2011]. В этой теореме вызывает большие сомнения исходное утверждение о реальном (де-факто) приоритете социальной справедливости в СССР. Сам Е. Балацкий признает, что после 1970-х гг. достижения СССР в области социальной эффективности сильно замедлились; точнее было бы сказать, что в последние десятилетия существования Советского Союза уровень социальной эффективности/справедливости начал существенно снижаться.

Основной разросшегося советского чиновничьего аппарата была, как и в обществах «классического» азиатского способа производства, монополизация руководящей (менеджеральной) роли в иерархическом разделении общественного труда. Прокламируемая в советских учебниках по политической экономии общенародная собственность фактически изначально представляла собой государственно-бюрократическую.

Для советской номенклатуры, как и для бюрократии вообще, характерны абсолютизация формы в ущерб содержанию, принесение стратегии в жертву тактике, подчинение цели организации задачам ее сохранения. Когда угрозы национальной безопасности усиливались, советское чиновничество демонстрировало свои лучшие черты (четкость и быстрота выполнения команд, готовность жертвовать личными интересами), порождая ощущение, что оно действительно вообрало в себя лучших представителей советского народа. Однако при снижении уровня мобилизации советская бюрократия начинала походить на обычную азиатскую, озабоченную больше своим благополучием, чем процветанием подданных.

Советские чиновники обладали рядом специфических черт, отличных от качеств бюрократов в капиталистических странах: для советской системы были характерны сращивание законодательной и исполнительной, военной и гражданской, административной и судебной власти, слияние партийного и государственного аппарата. Такая идеологизация и универсализация деятельности номенклатуры не типичны для Запада, но очень похожи на ситуацию в странах азиатского способа производства (например, в Китае и других стран конфуцианской цивилизации). Следует отметить, что советская бюрократия имела более широкую «свободу рук», которая описывается не понятием «политическая власть», а термином «власть-собственность» (см., например, [Цирель 2006]): власть имущие обладают правом распоряжаться всем, чем они управляют. Западный бюрократ может наложить на собственника более или менее высокий налог, советский – отобрать у собственника (объявив его «врагом народа») и имущество, и даже жизнь. Ту социальную группу, которую М. Восленский обозначал «номенклатурой» [Восленский 2005], можно назвать «государством-классом» (этим словосочетанием пользуются для характеристики азиатского способа производства). Таким образом, основное социальное деление советского общества выражалось в его поляризации на рядовых производителей и управляющих – на класс «верноподданных» и на «государство-класс».

При высокой централизации исполнительной власти бюрократизация государственного аппарата развивалась как своего рода раковое заболевание с неудержимым ростом управленческих штатов. Это явление описано в так называемом законе Паркинсона, отражающем количественное размножение административных органов. Когда демократия неразвита и скована, то бюрократизм разбухает до опасных размеров и становится тормозом общественного развития. Так, если в 1936 г. в СССР в правительстве было 18 народных комиссариатов, руководивших отдельными отраслями, то в 1940 г. их количество увеличилось до 40, в начале 1970-х гг. насчитывалось уже более 60 министерств и ведомств, а в середине 1980-х гг. – около 100.

В рамках бюрократической структуры можно выделить высшее, среднее и низшее звенья. При этом (достаточно условно) к высшему звену следует отнести бюрократический аппарат центральных органов, к среднему – областных чиновников, и к низшему – работников управления заводов, фабрик, организаций и учреждений. Из вышеописанного следует, что утверждение о воспроизводстве на но-

вом историческом этапе пирамидально-сегментарной композиции, типичной для обществ азиатского способа производства, вполне правомерно. Однако, как видно на *рисунке 2*, на верхнем уровне находится уже не какая-либо наследственная династия императоров/фараонов/султанов, а ЦК КПСС (Политбюро), на среднем – обкомы и горкомы КПСС, а на низшем – директора производственных структур [Winecki 1996, p. 68–69].

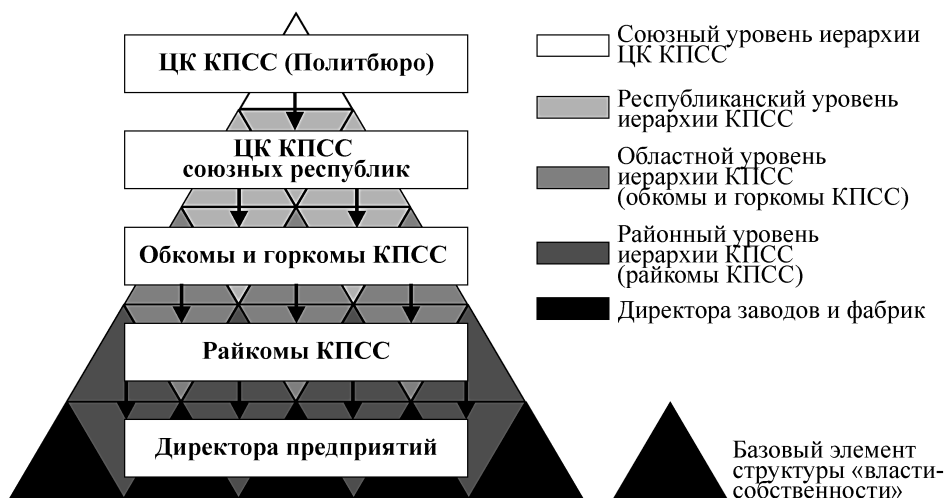

Рисунок 2. Структура власти-собственности в СССР 1950–1980-х гг.

На протяжении всего существования советской командной экономики пирамидально-сегментарная конструкция власти-собственности не была постоянной: с течением времени произошло перераспределение власти-собственности между ее составными элементами сверху вниз (*таблица 5*).

Несомненно, что в условиях культа личности Сталина вся полнота власти-собственности принадлежала *высшему звену* – но не членам Политбюро, а лично «великому вождю». Бытовая скромность И.В. Сталина (особенно поразительная в сравнении с современными нравами политической элиты) вполне закономерна: зачем нужна престижная роскошь человеку, который руководит в стране всем и всеми? Такая предельная концентрация власти-собственности была относительно результативна только в период военной мобилизации, однако сразу после смерти Сталина начался постепенный рост коллективности высшего руководства.

Первая трещина в системе пирамидальной власти-собственности появилась в 1950-е гг.: в 1958 г. в результате хозяйственной реформы, проведенной Н.С. Хрущевым под давлением региональной бюрократии, власти перешли от отраслевого (общесоюзного) к территориальному управлению экономикой, и в этих условиях ведущую роль стали играть не отраслевые министерства, а совнархозы (министерства «на местах»).

Во времена Л.И. Брежнева произошло дальнейшее усиление бюрократии *среднего звена*. После того, как в ходе косыгинской реформы 1965 г. власти опять перешли к отраслевому принципу управления, основными экономическими аген-

тами стали отраслевые министерства. Реформы 1970-х гг. усилили роль «подотраслей» под руководством главных управлений министерств и всесоюзных научно-производственных объединений. Следует подчеркнуть, что провал косыгинских экономических преобразований во многом объясняется именно ростом самостоятельности советской бюрократии, которая постепенно перехватывала реальное руководство у партийных лидеров и категорически не желала расширять самостоятельность тех, кем она руководила. Попытки советских экономистов-математиков в 1970–1980-е гг. внедрить на основе линейного программирования систему оптимального планирования (ТОФЭ) также априори обрекались на неудачу, поскольку чиновники среднего звена специализировались именно на «преодолении проблем», связанных с несовершенством планирования и потому вовсе не были заинтересованы в устранении этого несовершенства.

Таблица 5. Эволюция хозяйственного механизма СССР и России как «стекание» власти-собственности

Периоды	Ключевые события	Основные экономические агенты
Начало 1940-х – конец 1950-х гг.: «экономика государства»	Реформа управления 1940–1941 гг.	Наркоматы в составе СНК
Конец 1950-х – середина 1960-х гг.: «экономика регионов»	Хозяйственная реформа 1957 г.	Экономические районы, совнархозы
Середина 1960-х – середина 1970-х гг.: «экономика отраслей»	Экономическая реформа 1965 г.	Отраслевые министерства
Середина 1970-х – середина 1980-х гг.: «экономика подотраслей»	Реформа управления промышленностью 1973 г. и 1979 г.	Главные управления министерств, всесоюзные научно-производственные объединения
Середина 1980-х гг. – 1992 г.: «экономика крупных предприятий»	Перестройка 1985 г.	Крупные предприятия, объединения
1992–1993 гг.: «экономика малых предприятий»	Приватизация 1991 г.	Предприятия; малые предприятия, выделившиеся из крупных
1993–1995 гг.: «экономика физических лиц»	Чековая и послечековая приватизация	Руководители предприятий, их подразделений, физические лица

Составлено по: [Клейнер 1996; Клейнер, Тамбовцев, Качалов 1997, с. 48].

При М.С. Горбачеве наблюдалось уже возрастание значимости *нижнего звена* партийно-хозяйственной бюрократии; тогда в ситуации расширения фактических прав советских чиновников третьей ступени на передний план вышли горизонтальные связи между руководителями¹⁰. Общая тенденция (перемещение власти-собственности сверху вниз, в сторону менеджеров среднего и нижнего звена) закономерно завершилась массовой приватизацией начала 1990-х гг.

¹⁰ В этой связи можно вспомнить правило отношений межличностного взаимодействия («блатных связей») в СССР, сформулированное еще в 1980-е гг. американским социологом В.Э. Шляпентохом: важность дружеских связей прямо пропорциональна степени дефицитности товаров и услуг и обратно пропорциональна возможности приобретения дефицита за деньги [Shlapentokh 1989, p. 174].

Стремление нижестоящих бюрократов выслужиться перед вышестоящими породило такое характерное для административно-командной системы явление, как *перегибы* – выполнение спущенных «сверху» планов любой ценой с максимальной демонстрацией лояльности начальству без учета интересов населения. В условиях сегментарной системы управления существовала объективная тенденция к росту перегибов на каждом более низком уровне пирамиды власти. Важно подчеркнуть, что перегибы находились в зависимости от предшествующего развития, вот почему так легко воспринимались предупреждения об усилении регулирования (репрессии против «врагов народа», расширение посевов, контроль за трудовой дисциплиной и т.д.), но «глушились» сигналы о повышении самостоятельности работников. В 1950–1980-е гг. нарастание этого явления доводило до абсурда любые предложенные «наверху» меры, превращая разумные инициативы высшего руководства в очередную кампанию (чрезмерные посева кукурузы, борьба с пьянством и т.п.). Однако, когда во время косыгинской реформы появилась возможность развития хозрасчета, на местах все же не наблюдалось желания «перегибать» с расширением самостоятельности.

Роль бюрократии в условиях административно-командной системы особенно велика еще и потому, что сплоченной номенклатуре противостояла рыхлая социальная структура. «Простой советский человек» имел очень ограниченные шансы объединяться с другими гражданами для отстаивания своих интересов.

«Бессубъектное общество» было неоднородно – оно состояло из множества социальных групп, различающихся по уровню дохода, потребления, степени защищенности своих прав и т.д. Наличие обособленных интересов, множественность статусов, региональный и ведомственный сепаратизм рабочих способствовали росту коллективного и профессионального эгоизма. Умело используя незначительные привилегии (премии, право на заказ, выдача бесплатной путевки, льготная очередь на покупку автомобиля, получение квартиры и т.д.), советская бюрократия препятствовала самоорганизации работников, осознанию ими отличия своих интересов от интересов номенклатуры. Интересно отметить, что самым активным антибюрократическим социальным слоем как в СССР, так и в постсоветской России была и остается интеллигенция, в то время как собственно рабочий класс почти никогда (за единственным исключением шахтерских забастовок 1989–1993 гг.) не демонстрировал высокой политической активности. «Диктатура пролетариата» привела к тому, что пролетариат в России по существу никогда не являлся (и, видимо, уже не успеет стать) «классом для себя».

Теневая власть-собственность. Негативное отношение «простых советских людей» к всевластию и безответственности советских бюрократов дополнялось отрицательным отношением к системе теневых привилегий власть имущих, их возможностью безнаказанно злоупотреблять служебным положением. Речь идет об *институциональной коррупции* как ключевом элементе советской теневой экономики, т.е. совокупности нерегламентированных государством, неучтенных, а нередко и противоправных экономических процессов, закономерно возникающих в условиях несовершенного директивного планирования, порождающего дефицит.

Когда в 1980-е гг. началось изучение этого явления, то в нем нередко видели зародыш «нормальной» рыночной экономики, где люди трудятся ради максимизации прибыли (такой подход был сильно выражен, например, в знаменитой работе А.И. Каценелинбойгена «Цветные рынки в Советском Союзе» [Katsenelinboigen 1977]). Следует, однако, подчеркнуть азиатские черты теневой экономики, ярко проявившиеся в 1990-е гг., когда ее акторы превращались в легальных предпринимателей.

На протяжении всей истории советской экономической системы наблюдалось устойчивое сосуществование разнокачественных «правил игры»: с одной стороны, сохранялась плановая и рыночная экономики, с другой, – легальная и нелегальная (таблица 6). Можно говорить о *двойном дуализме советской экономики*, когда национальная экономика была раздвоена одновременно и по критерию экономических принципов оборота редких благ, и по степени легальности этого оборота.

Таблица 6. **Двойной дуализм советской экономики**

	Плановая экономика (редистрибутивный продуктообмен)	Рыночная экономика (рыночный товарообмен)
Легальная экономика	Плановое хозяйство	Колхозные рынки, старательские артели и др.
Нелегальная экономика	«Клановый социализм» – система институциональной коррупции	Неформальный сектор – деятельность «цеховиков» и спекулянтов

Источник: [Экономические субъекты 2001, с. 309].

В плановом хозяйстве всегда, даже в периоды самого сильного давления на «частников», сосуществовали элементы рыночной экономики: сохранялся колхозный рынок, который по мере нарастания продуктового дефицита играл все более важную роль; до 1960-х гг. функционировала промысловая кооперация; добычей полезных ископаемых могли заниматься артели старателей и т.д. Если в плановом хозяйстве взаимодействие руководителей и исполнителей происходило через механизм бюрократических торгов, то на колхозном рынке и т.д. продавцы и покупатели формировали «обычные» равновесные цены. Именно эти два сектора характеризовали дуализм легального народного хозяйства.

Нелегальная экономика тоже была дуалистична: она включала, с одной стороны, «клановый социализм», основанный на институтах власти-собственности, а с другой стороны, – неформальный сектор, где существовали институты частной собственности. Понятием «клановый социализм» вслед за В. Найшулем [Найшуль 1991] можно обозначить систему коррупционных отношений (от незаконных привилегий до торговли должностями), которая формировалась в условиях разлагающегося социализма. Неформальный же сектор включал в себя нелегальное производство и рыночную продажу обычных (незапрещенных) дефицитных товаров и услуг.

Точно также как в легальном секторе, рыночные элементы допускались «на периферии» планового хозяйства; в теневой экономике неформальная экономическая деятельность была дополнением системы институциональной коррупции. Власть имущие терпели «цеховиков» и спекулянтов, поскольку те становились для них источником дополнительных теневых доходов. На нижнем уровне акторы «кланового социализма» постепенно сливались с акторами неформальной экономики: директор предприятия мог быть одновременно крупным производителем неучтенной продукции; директор магазина торговал как законной, так и «левой» продукцией.

Поскольку власть-собственность постепенно спускалась сверху вниз, этот сдвиг воспринимался как оппортунистическое поведение – усиление безнаказан-

ности мошенников, эксплуатирующих общенародную собственность. У «простых советских людей» не возникало уважения к инициативным хозяйственникам, налаживающим бизнес вопреки идеологическим требованиям, поскольку неформальная экономика, возникшая во времена авторитарно-бюрократического строя и обслуживавшая в первую очередь его потребности, имела своей целью прежде всего спекулятивную прибыль на базе экономики дефицита. Советские «бизнесмены» стремились не к конкуренции, а к созданию монопольных условий для своей деятельности, которая требовала умения не столько совершенствовать производство, сколько находить коррупционные подходы к «нужным» людям, напоминая тем самым ростовщичество в недрах азиатского способа производства.

В Советском Союзе отношение к коррупции было достаточно двойственным. С одной стороны, злоупотребление служебным положением рассматривалось как одно из наиболее тяжелых нарушений, поскольку оно подрывало авторитет советской власти в глазах граждан. Поэтому в советском законодательстве предусматривались гораздо более жестокие, чем в других странах, наказания взяточникам – вплоть до смертной казни. С другой же стороны, представители номенклатуры были фактически неподсудны и не слишком боялись наказаний. Аресты коррупционеров являлись, скорее, элементом борьбы за власть, чем борьбой с коррупцией как явлением.

В 1970-е гг. коррупция в Советском Союзе начала приобретать системный, институциональный характер. Должности, дающие широкий простор для злоупотреблений, в некоторых регионах стали буквально продаваться, однако правоохранительные органы уделяли больше внимания борьбе с теневым предпринимательством, чем преследованию коррупционеров¹¹.

У истоков создания системы незаконных спецпривилегий для советской бюрократии стоял И.В. Сталин, которого в современной России многие прославляют как борца с коррупцией. Еще в 1932 г. был отменен партийный максимум – ограничения на увеличение зарплаты советским чиновникам. После Отечественной войны для ответственных работников была введена система «пакетов», отмененная только в 1957 г.: ответственные работники в специальных конвертах получали в дополнение к зарплате крупные денежные суммы, превышающие официально установленную заработную плату, с которых не надо было платить налоги. Ликвидация по инициативе Н.С. Хрущева выдачи наличных денег компенсировалась сохранением и дальнейшим развертыванием системы спецраспределителей (спецмагазины, спецбуфеты, спецстоловые и т.д.) для людей, причастных к власти.

Наличие доступа к дефицитным товарам у привилегированной социальной группы и их отсутствие у основной массы советских людей становились важным фактором социально-экономического неравенства. Если рядовые производители «отоваривали» свои деньги в системе госторговли и на колхозном рынке, то представители управленческого аппарата имели возможность покупать в спецраспределителях, в которых был широкий ассортимент товаров, продаваемых по государственным (как правило, монопольно низким) ценам. Единая покупательная сила денег деформировалась, становилась качественно отличной у разных социальных слоев и групп. В этих условиях прокламируемое всеобщее равенство все более превращалось в фикцию, вызывая по мере обострения обстановки озлобление «простых советских людей».

¹¹ В крахе советского режима большую роль сыграл именно шок от выявленных в 1980-е гг. откровенно криминальных злоупотреблений на самом высоком уровне («дело Рашидова», «дело Чурбанова» и др.).

Нарастающее неравенство усиливало кастовые признаки советской бюрократии. В брежневский период у номенклатуры начали развиваться такие черты, как эндогамия (стремление вступать в браки лишь с людьми «своего круга»), престижное потребление (оно пронизывало весь образ жизни и находило свое выражение в специфическом знаковом характере одежды, предметов быта и т.д.), чувство избранности, сословная психология и т.п. В качестве ответной реакции у рядовых производителей возникало понимание социальной справедливости как уравниловки в потреблении, что нашло наглядное отражение в кампании М.С. Горбачева по борьбе с привилегиями.

Неудивительно, что по мере ослабления центральной власти в эпоху М.С. Горбачева у советского управленческого аппарата возникало закономерное стремление к спецификации прав собственности – *прибавить к власти собственность*, «растачить госсобственность по карманам и вместе с тем сохранить элементы этой системы, дающие гарантии иерархической власти над собственностью» [Гайдар 1995, с. 142–144; Pejovich 1998, р. 143–145]. Этот вариант реформ в наибольшей степени устраивал советскую и партийно-хозяйственную номенклатуру (особенно, низшего и среднего звена): ради обретения собственности она готова была сознательно пойти на смену системы «правил игры», поступиться частью своей административной власти. Однако в полном объеме произошло это уже в постсоветской России, где на смену размытой власти-собственности пришла гораздо более специфицированная частная собственность.

В поисках «демократического социализма»

Советскую экономику (при всех ее неустраняемых «провалах») вряд ли следует считать ошибкой истории. Видимо, такой тип экономики правомерен как один из путей догоняющего развития и/или развития в неблагоприятных условиях. С помощью такого типа экономики можно решать задачи первичной индустриализации и побеждать в тяжелых войнах. Однако с ее помощью нельзя успешно решать задачи научно-технической революции и побеждать в мирной международной конкуренции. Поэтому демонтаж «правил игры» командной экономики и восстановление «правил» рыночного хозяйства стали объективно необходимы в условиях научно-технической революции. На протяжении примерно 25 последних лет советская экономика уже не столько жила, сколько выживала.

Вероятно, «рыночный поворот» можно было с существенно меньшими издержками осуществить не в начале 1990-х гг., а значительно раньше, еще в 1950–1960-е гг. Примером мог послужить в определенной степени опыт СФРЮ (Югославии), где при Иосипе Броз Тито с начала 1950-х гг. сформировалась национальная модель «реального социализма», которая строилась на сочетании рабочего самоуправления с товарным рынком. В КНР (Китае) руководство китайской компартии начало демонтаж командной экономики и переход к смешанной экономике с конца 1970-х гг., почти сразу после смерти Мао Дзе-дуна. У СССР тоже было «окно возможностей» – после отстранения в 1953–1957 гг. от власти прямых последователей И.В. Сталина (как в Китае – после устранения в 1976 г. «банды четырех») начать качественное изменение «правил игры».

Начало бифуркационной ситуации положил Н.С. Хрущев, который инициировал десталинизацию. Главная институциональная инновация после смерти И.В. Сталина заключалась в частичном демонтаже «подсистемы страха», как назвал ее Г.Х. Попов [Попов 1987]. Массовые репрессии против любых инакомыслящих были заменены «точечными» акциями, экономика ГУЛАГа резко сократилась вследствие массовой реабилитации заключенных. Применение откровенно насильственных мер ушло в прошлое. Период 1956–1968 гг. стал апогеем («золотым веком») советского строя: «культ личности» уже закончился, «застой» еще не начался, а мечты о «светлом будущем» не успели стать агитационным шаблоном.

В хрущевский и раннебрежневский периоды экономика СССР демонстрировала очень бурный (в том числе и по международным стандартам) экономический рост, который впоследствии повторить не удалось. На пике экономического роста Хрущев уверенно заявлял, что СССР перегонит США гораздо раньше конца века и даже что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» (на XXII съезде КПСС). Первенство СССР в освоении космоса служило в период от полета Юрия Гагарина (1961 г.) до «прилунения» Нила Армстронга (1969 г.) весомым доказательством преимуществ советской экономики. Во время Карибского кризиса 1962 г. СССР в очередной раз показал, что советская армия оснащена по современным стандартам, поэтому последующее снижение накала «холодной войны» воспринималось не как поражение, а как разумный и самостоятельный выбор советского руководства.

Н.С. Хрущев (как и его «инкарнация» в лице М.С. Горбачева) оставил очень неоднозначный след в социально-экономической истории СССР. Он проявил себя как увлеченный, но не слишком умелый реформатор, обуреваемый стремлением к реформам, но не обладающий системным планом. Именно при Хрущеве вновь, после 30-летнего перерыва, стало возможным открытое обсуждение недостатков советской социально-экономической системы и возможности усиления в ней «хозрасчетных начал» (фактически – рыночных институтов). Застрельщиком дискуссии в 1962 г. стал харьковский экономист Е.Г. Либерман, опубликовавший в «Правде» статью «План, прибыль, премия» [Либерман 1962]. Эта публикация ознаменовала собой официальное разрешение партийного руководства обсуждать темы «планового фетишизма» и необходимости повышать личную заинтересованность работников. Если при сталинском режиме использование зарубежного опыта априори осуждалось, то при хрущевском режиме ссылки на позитивный опыт Запада (вспомним хотя бы кукурузную кампанию) стали вполне легитимными. Попытки совершенствования советской системы путем заимствования «лучших» элементов капитализма породили надежды на постепенную конвергенцию командной и рыночной экономик.

Впрочем, надежды на благотворность хрущевских реформ были очень неустойчивыми. Расстрел в Новочеркасске в 1962 г. рабочих, которые протестовали против снижения ставок оплаты, убедительно показал, что хрущевский режим категорически отвергает «революцию снизу». «Революция сверху» тоже не задалась: совнархозную реформу 1957 г. пришлось отменить, «рязанское чудо» подозрительно напоминало коллективизацию «любой ценой».

Когда в 1964 г. в результате внутривнутрипартийного заговора Н.С. Хрущева свергли, то первоначально казалось, что новые руководители СССР дадут попыткам экономического переустройства «второе дыхание». В сентябре 1965 г. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин объявил об официальной государственной реформе,

главными идеями которой были хозрасчетные «З С» – самоокупаемость, самофинансирование и самоуправление¹². Предполагалось, что результатом реформы станет создание такой экономической системы, в которой директора госпредприятий смогли бы получить доступ к управлению некоторыми важными экономическими «рычагами» (прибылью, премиями, большей свободой инвестирования и т.д.).

Основным направлением косыгинской реформы стало снижение количества плановых показателей для предприятий и замена данных по валовому выпуску, как главного индикатора успешности деятельности госпредприятий, показателями «реализованного выпуска» (продаж). Директор предприятия теперь должен был отчитываться лишь по 8 плановым статьям, в то время как раньше их количество варьировалось от 20 до 30. Многочисленные нормативы использования рабочей силы заменялись одним – размером фонда заработной платы, что предполагало возможность менеджмента самостоятельно определять численность работников. Также подразумевалось оставлять предприятиям больше прибыли для поощрительных выплат и инвестиций.

Косыгинские реформы могли стать для народного хозяйства СССР тем, чем оказались для экономики КНР преобразования Дэн Сяо-пина, – путем к созданию смешанной экономики при сохранении власти коммунистической партии. Неслучайно китайскому реформатору приписывают высказывание, что если бы косыгинские реформы удалась, то Китай снова бы учился у СССР¹³.

Однако уже через несколько лет после начала реформы некоторые нововведения существенно изменили и выхолостили ее общий пафос. В частности, был вновь установлен жесткий контроль над фондом поощрительных выплат работникам предприятий, заменивший более гибкую систему, предполагавшуюся в реформе. Министерства снова получили возможность отслеживать условия накопления и расходования этих фондов. Если ранее основная часть прибыли предприятий изымалась в бюджет как плата за производственные фонды, то теперь – в качестве «свободного остатка прибыли» [Ольсевич, Грегори 2000, с. 47]. В результате экономическая реформа стала очередным этапом в повышении самостоятельности руководителей советских предприятий, но не смогла существенно усилить заинтересованность в труде самих работников.

Введение в 1968 г. войск стран Варшавского договора в Чехословакию, где тоже пытались начать «мягкий» демонтаж командно-административной системы, стало знаковым событием прекращения «конвергенционных» реформ вообще и «либерализации» экономики в частности. Некоторых руководителей государственных предприятий, которые слишком увлеклись идеями хозрасчета и допустили неизбежные нарушения хозяйственной дисциплины, обвинили в экономических преступлениях и приговорили к различным тюремным срокам¹⁴.

А.Н. Косыгин продолжал возглавлять Совет Министров СССР до 1980 г., но уже в 1971 г. в частной беседе он с горечью признавал, что «все работы остановлены, а реформы попали в руки людей, которые их вообще не хотят» [Андриянов 2003, с. 220].

¹² Концепцию разработал Е.Г. Либерман.

¹³ По мнению Г. Ханина, положительные результаты косыгинских реформ сильно преувеличены, на самом деле самые лучшие результаты наблюдались во второй половине 1950-х гг. [Ханин 2003]. Это, однако, не отменяет утверждения, что в середине 1960-х гг. «окно возможностей» было несколько шире, поскольку косыгинские преобразования могли опираться на концепции советских экономистов-«рыночников», отсутствовавших в 1950-е гг.

¹⁴ Наиболее известным примером является судьба умершего в тюрьме И.Н. Худенко, директора совхоза «Акчи».

Неудача хрущевской и косыгинской реформ привела к тому, что в последнее двадцатилетие своего существования советская экономика функционировала в режиме экстенсивного экономического роста. Этот период называют «застоем», что, строго говоря, не вполне верно – экономический рост до 1980-х гг. хотя и происходил по «затухающей кривой», но все же примерно соответствовал средним темпам роста развитых стран. СССР 1970-х гг. был во многих аспектах похож на Россию 2000-х: политическая элита и «простые советские люди», напуганные «не очень» удачными реформами предшествующих десятилетий, сознательно стремились избегать любых существенных изменений «правил игры». В результате стихийно сформировался институт участия СССР в капиталистической мир-системе в качестве «сырьевого придатка» (экспорт энергоресурсов в обмен на импорт потребительских товаров).

Брежневский режим, отказавшись от качественных реформ, заменил их имитацией преобразований. С середины 1970-х гг. едва ли не каждый год объявлялась новая экономическая «реформа» или «эксперимент», призванные решить хозяйственные проблемы СССР, не меняя рамочных «правил игры». Главным результатом этих «реформ в рамках застоя» стала постепенная потеря авторитета высшего партийного руководства. Идеи «демократического социализма», популярные среди «шестидесятников», превратились в мираж, за которым скрывалась пустыня бюрократического вырождения «реального социализма».

Примитивное истолкование свертывания косыгинской реформы недоброжелательством Л.И. Брежнева столь же убедительно, как и объяснение Великого перелома злодействами И.В. Сталина. В более обоснованных комментариях (см, например, [Понов 2008]) делается акцент на объективные факторы – на развитие различных форм рентаискательства с активной разработкой нефтегазовых месторождений (извлечением природной ренты) и с ростом привилегий государственной бюрократии (извлечением бюрократической ренты).

Прекращение косыгинских реформ можно рассматривать как яркий пример «ресурсного проклятия»: для стран с высоким уровнем отчуждения элиты от граждан наличие полезных ископаемых, легко реализуемых на мировом рынке, становится не стимулом, а тормозом развития. Рост остороженности брежневского режима к прорыночным инновациям почти совпал с «нефтяным шоком» 1973 г. Резкое повышение мировых цен на нефть и газ в сочетании с началом активной разработки месторождений Западной Сибири (прежде всего, Самотлора, где «большую нефть» добывают с 1968 г.) позволило советскому правительству получать от экспорта энергоресурсов *очень* высокие доходы. За счет природной ренты удавалось решать продовольственные проблемы: импорт зерна стал весьма значимым элементом продуктообеспечения, поскольку советская деревня, из которой в 1930–1950-е гг. активно выкачивали ресурсы, деградировала и превратилась в «черную дыру», поглощавшую дотации и льготы без существенного результата¹⁵.

¹⁵ Роберт Аллен также признает, что перелом в развитии советской экономики произошел в 1970-е гг., но связывает его с иными ошибками руководства страны – с втягиванием СССР в гонку вооружений (из-за чего исследовательские ресурсы были перенаправлены из гражданских отраслей в военное производство) и курсом на переоборудование старых предприятий вместо строительства новых [Аллен 2013, с. 278]. Авторы данной статьи полагают, что хотя указанные Р. Алленом факторы и сыграли свою роль, но все же были относительно вторичными в сравнении с рентаискательством.

Таблица 7. Альтернативные модели развития экономики СССР периода «оттепели»

Характеристики моделей	Самодостаточная командная экономика	Смешанная экономика («демократический рыночный социализм»)	Командная экономика как часть капиталистической мир-экономики
Ресурсы экономического развития	Государственное планирование и контроль	Активизация личных материальных интересов работников	Природная рента, получаемая за счет экспорта энергоресурсов (нефти и газа)
Актеры, выступающие за данную модель	Наиболее консервативная часть номенклатуры	Либеральная часть политической и хозяйственной элиты	Большинство политической и хозяйственной элиты
Экономисты, обосновывающие модель	Экономисты-сторонники ТОФЭ – Н.П. Федоренко, С.С. Шаталин и др.	Экономисты-«рыночники» – Е. Либерман, Д. Валовой и др.	Модель не имеет научного обоснования
Возможности извлечения бюрократической ренты	Низкие	Средние	Высокие
Опасные тенденции развития	Рост социального напряжения в обществе	Демонтаж партийной власти	Рост зависимости национальной экономики от мирового рынка

Таким образом, третий бифуркационный период стал столкновением трех вариантов «правил игры» (таблица 7) – моделей самодостаточной командной экономики (постсталинский курс), смешанной экономики (курс косыгинских реформ) и командной экономики как «сырьевого придатка» капиталистической мир-экономики (курс «застойного» брежневского режима). Победу третьего курса можно объяснить своеобразным «предпочтением ликвидности», т.е. предпочтением тактических (среднесрочных) выгод стратегическим (долгосрочным) преимуществам.

Брежневская эпоха стала для СССР временем потери «смысла жизни». Страны догоняющего развития по определению стремятся «догнать и перегнать» лидирующие государства, однако в 1970–1980-е гг. «гонка за лидером» в значительной степени прекратилась: достижения в космосе 1960-х гг. обесценились после высадки американских астронавтов на Луну, да и освоение космического пространства постепенно вообще перестало выполнять мобилизирующую функцию. Новые «большие проекты» либо затухали (освоение БАМа), либо вызывали резкий протест научной общественности своим волюнтаризмом (поворот северных рек на юг). Постепенное наращивание чисто бюрократической мотивации принятия решений приводило к усилению долгостроя, когда «для рапорта» начинали новые крупные стройки, сроки завершения которых регулярно нарушались [Ольсевич, Грегори 2000, с. 128]. Что же касается повышения качества жизни, то соревнование с развитыми странами в этой сфере требовало изменения всей советской системы – переориентации на удовлетворение потребностей не «великой державы», а «простых советских людей». В косыгинской реформе была заложена возможность такой трансформации, но из-за фактического свертывания реформы эта возможность осталась нереализованной.

На рисунке 3 показана динамика темпов экономического роста в последнее тридцатилетие существования СССР: с начала 1970-х гг. по всем показателям заметна тенденция к снижению.

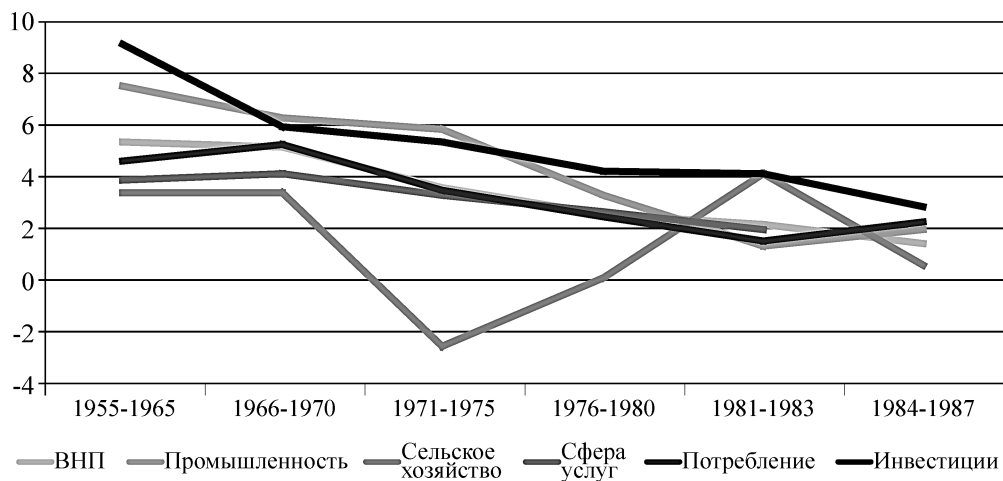

Рисунок 3. Динамика показателей среднегодового прироста советской экономики 1950–1980-х гг.

Источники: U.S. Congress, Joint Economic Committee, USSR: Measures of Economic Growth and Development, 1950–1980 (Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office, 1982); Handbook of Economic Statistics (Washington, D.C.: Directorate of Intelligence, 1983 and 1988 editions).

Период относительного благополучия позднесоветской экономики совпал со временем извлечения высокой природной ренты: когда в первой половине 1980-х гг. мировые цены на энергоресурсы существенно упали, а западносибирские месторождения начали истощаться, то необходимость реформирования «реального социализма» снова встала на повестку дня. Вопросы снижения валютной выручки наложились на ряд других проблем – недостаточную компетентность высшего партийного руководства, падение авторитета «реального социализма» в связи с Чернобыльской катастрофой и выводом войск из Афганистана, рост институциональной коррупции в партийном и хозяйственном руководстве, обострение межнациональных отношений и т.д. Либерализация экономики при М.С. Горбачеве сначала пошла по пути косыгинских реформ (развитие хозрасчета), однако стремительное нарастание экономических и политических трудностей быстро привело к отказу от «реального социализма» как такового.

В следующей статье, завершающей опубликованную в «Мире России» тетралогию об институциональной экономической истории нашей страны, авторы специально рассмотрят судьбу советских «правил игры» в постсоветской России. Сейчас лишь отметим, что отношение к советскому социально-экономическому «эксперименту» даже почти четверть века после его завершения остается очень противоречивым: для одних СССР – «потерянный рай», для других – «дорога к рабству». Эти разновекторные оценки отражают реальные противоречия «зияющих высот» советской модели экономики.

Литература

- Аллен Роберт С. (2013) От фермы к фабрике. Новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН.
- Андриянов В.И. (2003) Косыгин. М.: Молодая гвардия.
- Балацкий Е. (2011) Темпоральная модель межстрановой конкуренции // Общество и экономика. № 2. С. 3–20.
- Борисова Л.В. (2001) Военный коммунизм: насилие как элемент хозяйственного механизма. М.: МОНФ.
- Бруцкус Б. (1990) Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта // Вопросы экономики. № 8. С. 131–151; № 9. С. 153–158; № 10. С. 90–103.
- Восленский М.С. (2005) Номенклатура. М.: «Захаров».
- Гайдар Е.Т. (1995) Государство и эволюция. М.: Издательство «Евразия».
- Грегори П. (2008) Политическая экономия сталинизма. 2-е изд. М.: РОССПЭН.
- ГУЛАГ: Экономика принудительного труда (2005). Под ред. Л.И. Бородкина, П. Грегори, О.В. Хлевнюка. М.: РОССПЭН.
- Давыдов А.Ю. (1994) Мещочничество и советская продовольственная диктатура. 1918–1922 годы // Вопросы истории. № 3. С. 41–54.
- Девятый съезд РКП(б) (1960). Протоколы. М.: Госполитиздат.
- Деникин А.В. (2013) Очерки русской смуты. Кн. 3. М.: Айрис-Пресс.
- Калягин А.В. (2006) Аграрная реформа П.Н. Врангеля (к вопросу отношения крестьянства) // Крым. Врангель. 1920 год. М.: Изд-во «Социально-политическая МЫСЛЬ». С. 100–115 // http://samara.gup.ru/elsfsbgup/nauka/statji/istor_st/kalyagin_av_st/kalyagin_agrarnaya_reforma_vrangelya.pdf
- Кара-Мурза С.Г. (2011) Советская цивилизация. М.: Эксмо.
- Карпенко С. (1993) Врангель в Крыму: «левая политика правыми руками» // Свободная мысль. № 15. С. 110–116.
- Клейнер Г.Б. (1996) Современная экономика России как экономика физических лиц // Вопросы экономики. № 4.
- Клейнер Г.Б., Тамбовцев В.Л., Качалов Р.М. (1997) Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность. М.: Экономика.
- Козлова Е.А. (2010) Аграрная политика генерала А.И. Деникина // Вектор науки ТГУ. №1 (11).
- Корнаи Я. (1990) Дефицит. М.: Наука.
- Крицман Л. (1921) О едином хозяйственном плане. М.: Госиздат.
- Кульминация «военного коммунизма» (1989) // Экономика и организация промышленного производства. № 1.
- Латов Ю.В. (1993) Макроэкономическая пропорциональность при азиатском способе производства. Арзамас-16.
- Ленин В.И. (1965) Полное собрание сочинений. М.: Издательство политической литературы.
- Либерман Е. Г. (1962) План, прибыль, премия // Правда. 9.09.1962.
- Маркевич А. (2004) Была ли советская экономика плановой? Планирование в наркоматах в 1930-е гг. // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М.: «РОССПЭН». С. 20–54.
- Маркевич А.М. (2005) Советское планирование: теория и практика в 1930-е гг. // Экономическая история. Обзорение. Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 10. М.
- Маркевич А.М., Харрисон М. (2013) Первая мировая война, гражданская война и восстановление. Национальный доход России в 1913–1928 годы. М.: Мысль.
- Найшуль В. (1991) Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс.
- Ноув А. (1989) О судьбах нэпа // Вопросы истории. № 8. С. 172–176.
- Ноув А. (1990) Чему учит советский опыт, или вопросы без ответов // Экономика и организация промышленного производства. № 4.
- Нуреев Р.М. (2008) Экономика развития. Экономика развития: модели становления рыночной экономики: учебник. М.: Норма.

- Ольсевич Ю.Я., Грегори П. (2000) Плановая система в ретроспективе: анализ и интервью с руководителями планирования СССР М.: ТЕИС.
- Павлюченков С.А. (1997) Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество.
- Попов В. (2008) Закат плановой экономики // Эксперт. № 1 (640) // <http://pages.nes.ru/vpovrov/documents/ZakatPlana-Dec.2008-Expert.pdf>
- Попов Г.Х. (1987) С точки зрения экономиста // Наука и жизнь. № 4.
- Савченко В.А. (2011) Атаманщина. Харьков: Фолио.
- Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД (2000). Под ред. А. Береловича, Б. Данилова. Т. 2. 1922–1929. М.: РОССПЭН.
- Соловьев А. (1987) Экономические и организационные условия внедрения новой техники в производство // Плановое хозяйство. № 12.
- Шестаков В.А. (2006) Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М.: Наука.
- Шубин А. (1998) Махно и махновское движение. М.: МИК.
- Хандорин В.Г. (2007) Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск // <http://kolchak.sitecity.ru/index.phtml>.
- Ханин Г.А. (2003) Советское экономическое чудо: миф или реальность? // Свободная мысль-XXI. № 7, 8, 9, 11.
- Ханин Г. (2004) Вперед, к авторитаризму? // Родина. № 6 // http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1212&n=67.
- Хантер Г., Ширмер Я. (1995) Аграрная политика небольшевиков и альтернатива // Отечественная история. № 6.
- Хлевнюк О. (1996) Политбюро: Механизмы политической власти в 30-е годы. М.: РОССПЭН.
- Цирель С.В. (2006) «Власть-собственность» в трудах российских историков и экономистов // Общественные науки и современность. № 3. С. 119–131.
- Экономические субъекты в постсоветской России (институциональный анализ) (2001). Под ред. Р.М. Нуреева. М.: МИЭФ.
- Эллман М. (2007) Советская индустриализация: выдающийся успех? (О книге Р. Аллена «От фермы к фабрике: реинтерпритация советской промышленной революции») // Экономическая история. Обзорение. Вып. 13. М.: Издательство Московского университета // <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB13/ellman.pdf>.
- Эрлих А. (2010) Дискуссия об индустриализации в СССР (1924–1928). М.: Дело АНХ.
- Allen R.C. (1997) Capital Accumulation, the Soft Budget Constraint and Soviet Industrialization // UBC Department of Economics Discussion Paper. November. Available at: <http://www.arts.ubc.ca/econ/dp9720.pdf>.
- Allen R.C. (2003) Farm to Factory: a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton: Princeton University Press.
- Berliner J.S. (1976) The Innovation Decision in Soviet Industry. Cambridge; Mass.: The MIT Press.
- Davies R.W. (1977) Soviet Industrial Production, 1928–1937: The Rival Estimates // Centre for Russian and East European Studies Discussion Paper. № 18. University of Birmingham.
- Davies R.W. (1989) The Socialist Offence: The Collectivization of Agriculture. 1929–1930. Harvard University Press.
- Gregory P. (2003) Soviet Defense Puzzles: Archives, Strategy and Under-fulfillment // Europe-Asia Studies, no 6.
- Gregory P., Stuart R. (2001) Russian and Soviet Economic Performance and Structure. Boston: Addison Wesley Longman, Inc.
- Handbook of Economic Statistics. Washington, D.C.: Directorate of Intelligence, 1983 and 1988 editions.
- Handbook of Economic Statistics. 1988. CPAS 88-10001 (September 1988).
- Jasny N. (1962) Essays on the Soviet Economy. New York: Praeger.
- Kaser M. (1969) A Volume Index of Soviet Foreign Trade // Soviet Studies, no 4.
- Katsenelinboigen A. (1977) Coloured Markets in the Soviet Union // Soviet Studies, no 1, p. 62 – 85.
- Khlevnyuk O. (2001) The Economy of the Gulag // Behind the Facade of Stalin's Command Economy. Ed. by P. Gregory. Hoover Institution Press, p. 11–130.
- Nove A. (1969) An Economic History of the USSR. London: Penguin Press.

- Nutter G.W. (1963) *The Soviet Economy: Retrospect and Prospect // Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead*. Ed. by D. Abshire and R.V. Allen. N.Y.: Praeger.
- Pejovich S. (1998) *Economic Analysis of Institutions and Systems*, Kluwer Academic Publishers.
- Shlapentokh V. (1989) *Public and private life of the Soviet people: changing values in post-Stalin Russia*. New York: Oxford University Press.
- Spulber N. (1964) *Soviet Strategy for Economic Growth*. Bloomington: Indiana University Press.
- U.S. Congress, Joint Economic Committee, *USSR: Measures of Economic Growth and Development, 1950–1980* (1982). Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.
- Winecki J. (1996) *Why economic reforms fail in the Soviet system: a property rights approach // Empirical Studies in Institutional Change*. Cambridge.
- Wittfogel K.-A. (1957) *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*. New Haven.
- Zaleski E. (1962) *Planning for Economic Growth in the Soviet Union 1918–1932*. University of North Carolina Press.
- Zaleski E. (1980) *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

DEVELOPMENT PATHS OF RUSSIA

Between 'Real Socialism' and 'Oriental Despotism': the Labyrinths of Institutional Economic Development in Soviet Russia

R. NUREEV*, Yu. LATOV**

***Rustem Nureev** – Head of the Department of Macroeconomics, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 49, Leningradsky Ave., Moscow, 125999, Russian Federation. E-mail: Nureev50@gmail.com

****Yuri Latov** – Leading Researcher, Management Academy of the Ministry of Internal Affairs in the Russian Federation. Address: 8, Z. and A. Kosmodemyanskikh St., Moscow, 125171, Russian Federation. E-mail: latov@mail.ru

Abstract

This article presents an institutional approach to understanding the course of social and economic development of the Russian civilization in its Soviet period, particularly by regarding this course as a specific case of catch-up development. Between 1917 and 1999 Russia was going through a counter-modernization period, during which it was attempting to solve problems similar to those faced by other emerging economies of the so called “third world”. However, Russia’s attempts were distinct in the sense that they relied on fundamentally different principles, i.e. the institutions of “power-property”. The communist ideology played an important, yet not such a decisive role in strengthening these principles. It would be more correct to claim that the ideology was perfectly chosen to match the real opportunities and circumstances which Russia was facing at that time.

Throughout its Soviet history, Russia went through a number of bifurcation points, at which it became apparent that the “rules of the game” needed to be changed substantively. The first such point occurred during the Russian Civil War, when the confrontation of three socio-economic systems – the “Red” military communism, the “White” military capitalism and the “Green” model – eventually ended up discrediting each of them. The hybrid New Economic Policy adopted in Soviet Russia in response to this defeat was more or less successful in recovering the economy after the war, but it was insufficient to launch the new “Big Push”.

The second bifurcation point fell in the late 1920s, when five main paradigms of economic development competed between each other in Soviet Russia, and several elements each these paradigms were implemented in practice. Eventually, a peculiar mixture of neoclassical and traditional institutional approaches to national catch-up development was adopted. The idea of intentional reallocation of resources from the traditional agricultural sector into modern industries by relying on methods of non-economic coercion in the 1930s anticipated many similar ideas promoted by neoclassical economists in the 1950-1960s. The administrative-command system which was established during the “Great Break” succeeded in industrializing the Russian economy, albeit with low efficiency. However, the post-industrial modernization was practically impossible under such a model, as it required flexible administration and free labor force.

The third bifurcation point was a clash of the three alternatives – the idea of a self-sufficient command economy (a post-Stalinist course), the idea of a mixed economy (Kosygin’s reforms) and the option of a command economy fulfilling the role of a mere supplier of raw materials to the capitalist world-economy (the course of the “stagnant” Brezhnev regime).

There were a number of attempts to introduce the elements of market economy during the 1950-1960s, but these proved to be quite unsuccessful. The reason for their failure can be explained by the expansion of various rent-seeking practices, which spread with growing exports of gas and oil (as well as other natural resources) and increasing the privileges for higher state cadres. Owing to its inherent features, in the last years of its existence the Soviet economy locked itself into several institutional traps: its imperfect capacity to plan and control has led to the substituting of strategic goals with short-term objectives, and the strengthening of the bond between power and property led to even further alienation of many common Soviet citizens from elites. Thus, the authors argue that it was this growing misunderstanding of the need to transform into a post-industrial economy and the arrogance of the Soviet political elites which led to the collapse of the Soviet economic model. The line of reasoning presented in the article draws on the works of several noted social scholars and sovietologists, such as G. Hanin, R. Allen, G. Popov, A. Markiewicz, Yu. Ol’sевич, P. Gregory, and others.

Keywords: institutional economic history, Russian civilization, administrative-command system, power-property, partly balanced development, institutional competition, state-class, political rent-seeking

References

- Allen R.C. (1997) Capital Accumulation, the Soft Budget Constraint and Soviet Industrialization. *UBC Department of Economics Discussion Paper. November*. Available at: <http://www.arts.ubc.ca/econ/dp9720.pdf>.
- Allen R.C. (2003) *Farm to Factory: a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*, Princeton: Princeton University Press.
- Allen R.C. (2013) *Farm to Factory: a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*, Moscow: ROSSPEN.
- Andriyanov V.I. (2003) *Kosygin* [Kosygin], Moscow: Molodaya gvardiya.
- Balatskii E. (2011) Temporal’naya model’ mezhstranovoi konkurentsii [Temporal Model of Cross-Country Competition]. *Obshchestvo i ekonomika*, no 2, pp. 3–20.

- Berliner J.S. (1976) *The Innovation Decision in Soviet Industry*, Cambridge; Mass.: The MIT Press.
- Borisov L.V. (2001) *Voennyi kommunizm: nasilie kak element khozyaistvennogo mekhanizma* [Military Communism: Violence as an Element of the Economic Mechanism], Moscow: MONF.
- Brutskus B. (1990) Sotsialisticheskoe khozyaistvo. Teoreticheskie mysli po povodu russkogo opyta [Socialist Economy. Theoretical Thoughts on the Russian Experience]. *Voprosy ekonomiki*, no 8, pp. 131–151; no 9, pp. 153–158; no 10, pp. 90–103.
- Davies R.W. (1977) Soviet Industrial Production, 1928–1937: The Rival Estimates. *Centre for Russian and East European Studies Discussion Paper*, no 18, University of Birmingham.
- Davies R.W. (1989) *The Socialist Offence: The Collectivization of Agriculture. 1929–1930*, Harvard University Press.
- Davydov A. (1994) Meshochnichestvo i sovetskaya prodovol'stvennaya diktatura. 1918–1922 gody [Private Speculation and Soviet Food Dictatorship. 1918–1922]. *Voprosy istorii*, no 3, pp. 41–54.
- Denikin A.V. (2013) *Ocherki russkoi smuty*. Kn. 3 [Essays of Russian Turmoil. Book 3], Moscow: Airis-Press.
- Devyaty s'ezd RKP(b)* (1960). Protokoly [Ninth Congress of the RKP(b). Protocols], Moscow: Gospolitizdat.
- Ekonomicheskie sub'ekty v postsovetskoi Rossii (institutsional'nyi analiz)* (2001). Pod red. R.M. Nureeva [Economic Subjects of Post-Soviet Russia (Institutional Analysis)]. Ed. R.M. Nureev, Moscow: MIEF.
- Ellman M. (2007) Sovetskaya industrializatsiya: vydayushchiysya uspek? (O knige R. Allena «Ot fermy k fabrike: reinterpritatsiya sovetskoi promyshlennoi revolyutsii») [Soviet Industrialization: an Outstanding Success? (On the book by R. Allen “From Farm to Factory: Reinterpretations of the Soviet Industrial Revolution”)]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obzorenje. Vyp. 13* [Economic History. Review. Vol. 13], Moscow: MSU. Available at: <http://www.hist.msu.ru/Labs/Ecohist/OB13/ellman.pdf>.
- Erlich A. (2010) *The Soviet Industrialization Debate, 1924–1928*, Moscow: Delo.
- Gaidar E.T. (1995) *Gosudarstvo i evolyutsiya* [State and Evolution], Moscow: Evraziya.
- Gregory P. (2003) Soviet Defense Puzzles: Archives, Strategy and Under-fulfillment. *Europe-Asia Studies*, no 6.
- Gregory P. (2008) *The Political Economy of Stalinism*, Moscow: ROSSPEN.
- Gregory P., Stuart R. (2001) *Russian and Soviet Economic Performance and Structure*, Boston: Addison Wesley Longman, Inc.
- GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda* (2005). Pod red. L.I. Borodkina, P. Gregori, O.V. Khlevnyuka [GULAG: The Economics of Forced Labor. Ed. L.I. Borodkina, P. Gregory, O.V. Khlevniuk], Moscow: ROSSPEN.
- Handbook of Economic Statistics*. Washington, D.C.: Directorate of Intelligence, 1983 and 1988 editions.
- Handbook of Economic Statistics* (1988). CPAS 88-10001 (September 1988).
- Hunter H., Szyrmer J. (1995) Agrarnaya politika neobol'shevikov i alternativa [Agrarian Policy of Neo-Bolsheviks and the Alternatives]. *Otechestvennaya istoriya*, no 6.
- Jasny N. (1962) *Essays on the Soviet Economy*, New York: Praeger.
- Kalyagin A.V. (2006) Agrarnaya reforma P.N. Vrangelya (k voprosu otnosheniya krest'yanstva) [P.N. Wrangel's Agrarian Reforms (and the Attitudes of the Peasantry)]. *Krym. Vrangel'. 1920 god* [Crimea. Wrangel. 1920], Moscow: Sotsial'no-politicheskaya MYSL. Available at: http://samara.gup.ru/elsfspbgup/nauka/statji/istor_st/kalyagin_av_st/kalyagin_agrarnaya_reforma_vrangelya.pdf
- Kara-Murza S.G. (2011) *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet Civilization], Moscow: Eksmo.
- Karpenko S. (1993) Vrangel' v Krymu: “levaya politika pravymi rukami” [Wrangel in the Crimea, “Left-Wing Politics with Right Hands”]. *Svobodnaya mysl'*, no 15, pp. 110–116.
- Kaser M. (1969) A Volume Index of Soviet Foreign Trade. *Soviet Studies*, no 4.
- Katsenelinboigen A. (1977) Coloured Markets in the Soviet Union. *Soviet Studies*, no 1, pp. 62–85.
- Khandorin V.G. (2007) Admiral Kolchak: pravda i mify [Admiral Kolchak: Truths and Myths], Tomsk. Available at: <http://kolchak.sitcity.ru/index.phtml>.

- Khanin G.A. (2003) Sovetskoe ekonomicheskoe chudo: mif ili real'nost'? [Soviet Economic Miracle: Myth or Reality?]. *Svobodnaya mysl'*-XXI, no 7, 8, 9, 11.
- Khanin G. (2004) Vpered, k avtoritarizmu? [Forward to Authoritarianism?]. *Rodina*, no 6. Available at: http://www.istrodina.com/rodina_articul.php3?id=1212&n=67
- Khlevnyuk O. (1996) *Politbyuro: Mekhanizmy politicheskoi vlasti v 30-e gody* [Politburo: Mechanisms of Political Power in the 1930s], Moscow: ROSSPEN.
- Khlevnyuk O. (2001) The Economy of the Gulag. *Behind the Facade of Stalin's Command Economy*. Ed. by P. Gregory. Hoover Institution Press, pp. 11–130.
- Kleiner G.B. (1996) Sovremennaya ekonomika Rossii kak ekonomika fizicheskikh lits [Modern Russia's Economy as the Economy Individuals]. *Voprosy ekonomiki*, no 4.
- Kleiner G.B., Tambovtsev V.L., Kachalov R.M. (1997) *Predpriyatie v nestabil'noi ekonomicheskoi srede: riski, strategii, bezopasnost'* [Companies in an Unstable Economic Environment: Risks, Strategies, Safety], Moscow: Ekonomika.
- Kornai J. (1990) *Defitsit* [Deficit], Moscow: Nauka.
- Kozlova E.A. (2010) Agrarnaya politika generala A.I. Denikina [The Agrarian Policy of General A.I. Denikin]. *Vektor nauki TGU*, no 1(11).
- Kritsman L. (1921) *O edinom khozyaistvennom plane* [The United Economic Plan], Moscow: Gosizdat.
- Kul'minatsiya "voennogo kommunizma" (1989) [The Culmination of "Military Communism"]. *Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva*, no 1.
- Latov Yu.V. (1993) *Makroekonomicheskaya proporsional'nost' pri aziatskom sposobe proizvodstva* [Macroeconomic Proportionality in the Asiatic Mode of Production], Arzamas-16.
- Lenin V.I. (1965) *Polnoe sobranie sochinenii* [The Complete Set of Works], Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury.
- Liberman E. G. (1962) Plan, pribyl', premiya [Plan, Profit, Premium]. *Pravda*. 9 September 1962.
- Markevich A. (2004) Byla li sovetskaya ekonomika planovoi? Planirovanie v narkomatakh v 1930-e gg. [Was the Soviet Economy Planned? Planning of the Commissariats in the 1930s]. *Ekonomicheskaya istoriya. Ezhegodnik. 2003* [Economic History. Yearbook. 2003], Moscow: ROSSPEN, p. 20–54.
- Markevich A.M. (2005) Sovetskoe planirovanie: teoriya i praktika v 1930-e gg. [Soviet Planning System: Theory and Practice in the 1930s]. *Ekonomicheskaya istoriya. Obozrenie. Pod red. L.I. Borodkina. Vyp. 10* [Economic History. Review. Ed. L.I. Borodkin. Vol. 10], Moscow.
- Markevich A.M., Harrison M. (2013) *Pervaya mirovaya voina, grazhdanskaya voina i vostanovlenie. Natsional'nyi dokhod Rossii v 1913–1928 gody* [The First World War, the Civil War and Reconstruction. Russia's National Income from 1913–1928], Moscow: Mysl'.
- Naishul' V. (1991) Vysshaya i poslednyaya stadiya sotsializma [The Highest and Last Stage of Socialism]. *Pogruzhenie v tryasinu* [Dive into the Quagmire], Moscow: Progress.
- Nove A. (1969) *An Economic History of the USSR*, London: Penguin Press.
- Nove A. (1989) O sud'bakh nepa [On the Fate of the NEP]. *Voprosy istorii*, no 8, pp. 172–176.
- Nove A. (1990) Chemu uchit sovetskii opyt, ili voprosy bez otvetov [Lessons from the Soviet Experience, or Unanswered Questions]. *Ekonomika i organizatsiya promyshlennogo proizvodstva*, no 4.
- Nureev R.M. (2008) *Ekonomika razvitiya. Ekonomika razvitiya: modeli stanovleniya rynochnoi ekonomiki: uchebnik* [Development Economics: A Model of a Market Economy: a Textbook], Moscow: Norma.
- Nutter G.W. (1963) The Soviet Economy: Retrospect and Prospect. *Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead*. Ed. by D. Abshire and R.V. Allen, N.Y.: Praeger.
- Ol'sevich Yu.Ya., Gregory P. (2000) *Planovaya sistema v retrospektive: analiz i interv'yuy s rukovoditelyami planirovaniya SSSR* [The Planned System in Retrospect: Analysis and Interviews with Leaders of the USSR Planning], Moscow: TEIS.
- Pavlyuchenkov S.A. (1997) *Voenniye kommunizm v Rossii: vlast' i massy* [Military Communism in Russia: the Power and Weight], Moscow: Russkoe knigoizdatel'skoe tovarishhestvo.
- Pejovich S. (1998) *Economic Analysis of Institutions and Systems*, Kluwer Academic Publishers.
- Popov G. (1987) S tochki zreniya ekonomista [From an Economist's Point of View]. *Nauka i zhizn'*, no 4.

- Popov V. (2008) Zakat planovoi ekonomiki [The Sunset of the Planned Economy]. *Ekspert*, no 1 (640). Available at: <http://pages.nes.ru/vpopov/documents/ZakatPlana-Dec.2008-Expert.pdf>
- Savchenko V.A. (2011) *Atamanshchina* [Ataman System], Khar'kov: Folio.
- Shestakov V.A. (2006) *Sotsial'no-ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva v 50-e – seredine 60-kh godov* [Socio-Economic Policy of the Soviet State from the 1950s to the mid-1960s], Moscow: Nauka.
- Shlapentokh V. (1989) *Public and private life of the Soviet people: changing values in post-Stalin Russia*, New York: Oxford University Press.
- Shubin A. (1998) *Makhno i makhnovskoe dvizhenie* [Makhno and Makhno Movement], Moscow: MIK.
- Solov'ev A. (1987) Ekonomicheskie i organizatsionnye usloviya vnedreniya novoi tekhniki v proizvodstvo [Economic and Organizational Conditions for the Introduction of New Technology in Production]. *Planovoe khozyaistvo*, no 12.
- Sovetskaya derevnya glazami VCHK-OGPU-NKVD* (2000). Pod red. A. Berelovicha, B. Danilova. T. 2. 1922–1929 [Soviet Village Eyes Cheka-OGPU-NKVD. Ed. Berelovich A., B. Daniel. Vol. 2. 1922–1929], Moscow: ROSSPEN.
- Spulber N. (1964) *Soviet Strategy for Economic Growth*, Bloomington: Indiana University Press.
- Tsirel' S.V. (2006) "Vlast'-sobstvennost'" v trudakh rossiiskikh istorikov i ekonomistov ["Power-Property" in the Works of Russian Historians and Economists]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 3, pp. 119–131.
- Voslenskii M.S. (2005) *Nomenklatura* [Nomenclature], Moscow: Zakharov.
- U.S. Congress, Joint Economic Committee, USSR: Measures of Economic Growth and Development, 1950–1980 (1982), Washington, D.C.: U.S. Government Printing Office.
- Winecki J. (1996) *Why Economic Reforms Fail in the Soviet System: a Property Rights Approach. Empirical Studies in Institutional Change*, Cambridge.
- Wittfogel K.-A. (1957) *Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power*, New Haven.
- Zaleski E. (1962) *Planning for Economic Growth in the Soviet Union 1918–1932*, University of North Carolina Press.
- Zaleski E. (1980) *Stalinist Planning for Economic Growth, 1933–1952*, Chapel Hill: University of North Carolina Press.